

XX
101
1

БОЛЬШЕ МЕТАЛЛА УГЛЯ

БОЛЬШОЙ СЕМЬЮКРИТИЧЕСКИЙ
ЗАВОД

Заводской
номер

МАШИН

Смена

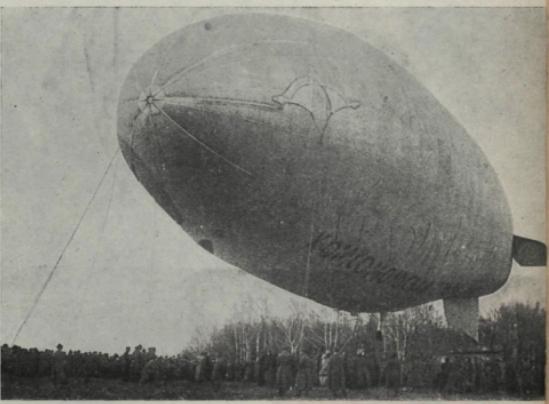
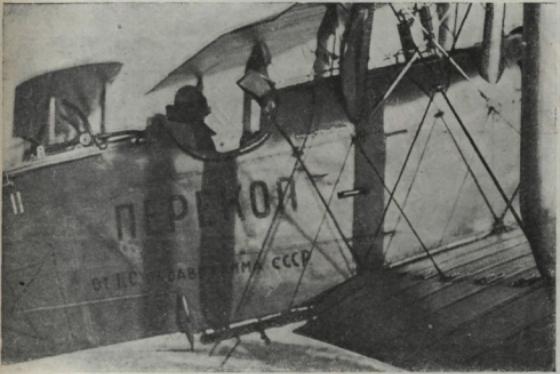
34-35

20 коп.

ОГНЬ ГРУДЫ - ОГНЬ СИЛЫ

*...И в каждом пропеллере дышит
спокойствие наших границ.*

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи. Орган ЦК и МК ВЛКСМ. ОГИЗ — «Молодая гвардия»*

Ответственный редактор С. Камард. Заведующий редакцией Я. Юдильский.
Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6, ОГИЗ — «Молодая гвардия».
Редакция журнала «Смена». Телефон 5-6703.

ПРИГОВОР БУДЕТ ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ!

В сражениях за пятилетку в четыре года заняйтесь для грядущей схватки с волчьими сворами империализма

Патриарх нефтяников Нобель уже благословляя белогвардейских недородов из участия в восстании, сколько начнется через несколько месяцев».

Опытный народец В. Рябушинский жадно прикладывал на счетах, сколько может очиститься прибыли от разгрома Советского союза.

В уютной рестораторской обстановке, под благожелательные одобрения французских генералов, провозглашались тосты в честь «свободной России», Нобелей и Рябушинских.

Казалось, ждали только замка дипицерской палочки, чтобы занягали «группы медные на потехи, на победные» и горделивые мальчишки двинулись в поход на Москву.

Даже острожный Милонов прозрачно намекал на то, что в Советском союзе создались силы, которые исподволь работают на контрреволюцию.

На политической черной бирже явно на чали котироваться какие-то новые акции. Это были акции Рамзина и К°, Нового торгового дома, который брал подряды на представительство плановое, научное, во всех отраслях народного хозяйства, вел распродажу оптовых и в розницу предлагаемой «свободной России» и, с точки зрения коммерческой, как будто заслуживал доверия.

Недаром коммерческими директорами туда входили все славные почтенные профессора — Рамзин, Чарновский, Федоров, Осипов, Григорьев, включая и высшие органы советской власти. Лиши, облеченные доверием пролетариата, как честные труженики науки. Не кустари, в одинокую изобретающую пакости советской власти, а стабильная организация мещаницы.

Сам Пуанкарэ, специалист по русскому вопросу еще со времен дружбы с царем Николаем, вошел пайщиком в эту фирму. Белогвардейский «Торгпром» судил ее кругленький кушем в миллионы с лишним рублей.

Было составлено расписание:

«Рамзин начинает. Полный переход гравини. Врангельевцы следуют туда-то. Краснояры высаживаются там-то. Над Москвой взвивается трехцветный флаг, а Рамзин восходит на премьерский престол».

Хотя по последнему пункту было некоторые разногласия.

Вернее всего, что Рамзину пришлось бы довольствоваться ролью советника при каком-то генерале.

Генерал же предвиделся без разногласий. Ражи, чугуноголовый генерал с достаточным стажем вешателя.

Строительство на первых порах предполагалось развернуть.

Строительство виселиц.

Потому что будущие министры спорили о том, кто учредить — монархию или республику, но всесходились в одном человеческом пункте:

«В уничтожении рабочих соблюсти норму, уничтожить всю активную верхушку».

Милоновы пять-шесть.

Чтобы не уступать Милонову в численности жертв по сравнению с теми миллиардами золотой монеты, которые щедро сунут капиталистам В. Рябушинский в виде дохода от разгрома Советского союза?

Что значит это семизначное число в сравнении с обаянием министерских портфелей?

«Угрызения совести» появились у Рамзина и Ко только на склоне подсудимых. Когда за стены Колонного зала бушевало море пролетарского гнева, когда с отдаленных окраин Советского союза, из разных пунктов всех пяти частей света посыпались слоны ненависти и презрения — у подсудимых выступил холодный пот раскачки.

Родинки, Тарпищевы, Федотовы, Черновские, Калининники, за солидную мазу соудничинание с французскими агентами, шпионами и готовящие радищную встречу с интервентами, вдруг «прозреали»!

Они начали по складам разбирать политическую азбуку.

Почтенные профессора, под видом научной помощи закладывавшие широколинейные шашки под рельсы пытливки, по которым должен был пронести локомотив индустриализации, будущие премьеры, поседевые поджигатели обратились к психологическому самонанытию.

Они были раздвоены.

Их мучала необходимость брать деньги от «Торгпрома» и заседать в Госплане. Они начинали разочаровываться, узрев запятые интересов.

Кандидаты в палачи умильно сообщали про свои политические заслуги.

Рамзин был даже большевиком — год или полтора — пока арест товарищей не породил в нем разочарование в политической деятельности. В 1908 году арестованы товарищи Рамзина. С 1908 года он обращает стопы свою прочь от большевизма. В 1917 году Рамзин пытается снова погрузиться в политику. Он сидит с Московской

управой в Кремле и прислушивается к расстрелам октябрьской канонады. Потом он пытается отсидеться от Октября с меньшевистской группой Кирша в некоем тепло-комитете.

Короткий период добывального получения академических пайков и высоких окладов, и Рамзин — предатель.

Федотов похвастался своим идеальным либерализмом.

У него, мол, свои идеалы.

Идеалы, которые не помешали этому зирку науки помимо субсидий от «Промторг» расширять свой семейный бюджет за счет самых вульгарных взяток.

Вязкая взошла на престол раньше Рамзина.

Руки, протянутые к министерским портфелям, успели по пути зацепить барабашку в бумаге.

У Калинникова в прошлом нет либерализма.

Стойте, ребята, у наших заводов в несокрушимой силе,
чтобы Калинников, чтобы Федотов наши огни не гасили!

Стой, флот, борт! Крепок морей рассос.
В час вахт пла тверд ленинский комсомол!

Когда во главе министерства просвещения оказался полицейский от-наук Кассо — подал сигнал к забастовке даже грустивые либеральные профессора. Калинников в то время читал начальство. Кассо был начальством и он читал Кассо.

Но когда советская власть вмешалась в университетские дела, густо начиненные контрреволюцией, Калинников организовал забастовку. Тут он немедленно воспрянул против попранной автономии науки!

Ларичев, Чарновский, Куприянов, Очник, Ситинин — вереница разных людей одного и того же класса.

Ситинин — скопил себе за счет взяток и по-дакек от «Торгпрома» кругленьку суммы в золотой монете.

Куприянов — рабски служил своим прежним хозяевам, но не брезгал «косторонними доходами».

Ларичев в суде обниржил очень высокое чувство самосохранения. В трудные переходные политические периоды Ларичев отскакивал в бесче. И на войну не пошел. «Так безопаснее».

И так далее. И так далее.

Героев нет.

Есть мэрзавцы.

Дипломированные. Знющие языки. Они вероятно сумели бы носить министерские лицензии.

Находясь в «личной безопасности», они вероятно выполнили бы свою пятилетку вискации.

Но в опасности схранились, пытались утаить только некоторые моменты.

Почувствовали свою жалкую роль, свою обреченность, как представителей идущего ко дну класса, безнадежность своего дела и, махнув рукой на союзников, выболтали все планы.

Брызгущий слюной Пузанкарे негодует: как смело сомневаться в его дальновидности — он против авантюрист! Пузанкаре, готовившийся дать сигнал к интервенции, пытается разноголоситься с Рамзини и КО. ««Торгпром» уверяет также: «Не знаем».

Политические бандиты хлопочут, чтобы опустить занавес: стали видны закулисные приготовления. Спектакль может быть сорван.

Интервенция неизбежна готовится на виду: она боится дневного света.

Рамзини и КО тоже негодуют. Такой аффront после столь верной службы! Отрешился от своих лакеев, словно конфетку проглотил.

Но скора в благородном семействе за-поздала.

Рамзини, Пузанкаре, торгпромовцы уже прошли перед глазами миллионных масс мирового пролетариата, как отвратительные персонажи грязной и кровавой игры, направленной против самых кровных интересов трудящихся.

Все это — козыри из одной и той же колоды краупных карт.

Когда был бесполезностью итворческим энтузиазмом пролетариата. Смертный приговор вынесен не только Рамзини. Это приговор и их хозяевам.

Игра не прервана.

Империалисты придумывают новые коды.

Но Рамзини и сотоварищи вышаны из игры.

На десять лет захлопнулась за ними тюремная дверь.

Заслуженный расстрелян велиодушная советская власть сменила на более легкую кару.

Но, господин Раймонд!

Не листи себя наизгой! ЦИК Французской социалистической республики приговор, вынесенный вам, не смягчит.

Приговор будет приведен в исполнение.

ИЗ ЗАЛА СУДА

Зарисовки худ. Р. Гершанника

КОМСОМОЛЪ

За прорывом.

Старое Сормово с двадцатью тысячами работающих людей, с тяжелым угларным воздухом, с зияющими луковицами куполов, с величавыми контурами Дома культуры, с неземными героями и неземными предателями рабочего дела—Сормово на протяжении нескольких месяцев терпели беспрерывные поражения в борьбе с невидимым врагом.

Враг неслыханный. С нем разговоры, о нем статьи, о нем частушки, о нем тревожные митинги. Враг без формы и без лица, но могучий и упорный. Он сидит в блиндажах отсталости, лени и безволия, откуда выбить его может только наступление всех живых сил завода.

Прорыв!

Враги отороги дымко и душно, люди времена чирчат и заглушают себя самких—воздужение царят беспредельно. Товарищ Лебедев, один из хозяйственных руководителей судоверфи с трибуны держит на производственном совещании речь. Но разве это речь? Это упоительная песня, исполняемая тонким артистом. Каждая формулировка «объективных причин»—сверкающая перед ораторским искусством. Каждое

объяснение о непосильности взятых темпов—солидинная трэль, колдовство. Правда, молодые ребята не поддаются этому колдовству, но послушайте и поймите:

— Товарищи!—усмехается Лебедев и пьет воду из графина.—Нам дано задание построить 43 судна. Очень хорошо. Но поскольку мы строим суда, то и рассчитываем на подробности: что мы можем сделать? Ах, смешно недоиспенять причины, зависящие от нас! Если сложить все затрудняющие нас объективные причины и вдуматься в их сумму, то...

Ребята удивляются свою настороженность. —...то окажется, что вместо 43 судов мы можем построить только 20...

Советует товарищ Лебедев. Ее неизменные прерывы грохочут рабочим отоплением. Товарищ Лебедев не маловер—нет! Он не экзекутор заводской программы, он не хочет урезать ни одной цифры! Но он является «человеком практики и реальности». Он стоит за энтузиазм, разогретый линейкой папирос. Он стоит за такое воодушевление, которое поконится на лишишем пакете хлеба. Он враг таких вещей, как:

спешка («Куда вы мечтесь со своими

темпами? Дайте спокойно и тихо работать»);

массовость («Всякий комсомолец вмешивается в планы—какой из этого толк?»); взаимоподдержка («Чужой завод не додал деталей—почему должны его гресть мы? Правда, это срывает нашу программу, но мы должны защитить себе нервы»).

Белоснежную манишку руководителя немедленно смешает на трибуне грязный синий косоворотка.

— Вы поете хорошие песни, товарищ Лебедев, но заслушиваться не стоит. Кто послал в Астрахань на постройку судоходства? Вы. Кто знал о том, что этот человек ни бельмеса не понимает в стройке судов? Вы. Кто виноват в бастостоличии? Вы. Хотите работать—делайте дело напористо, но—большевистски. А иначе ни ваше дело, ни вы сами им не нужны.

И ударник кончает язвительной цитатой из поэта:

Объективные причины должны иметь:
«Имя, отчество и фамилию».
Комсомольская армия—вздохи и роты, роты и полки—растянулась по всему фронту социалистической стройки. Есть дезертиры, бросящие рабочие места—верно. Есть оппортунисты на Сормове—верно. Есть рабочие на Кузбассе—правильно. Есть губители рабочих предложений на Урале—верно. Но неизмеримо выше и сильней этого шалака, та часть, рабочей молодежи, которая с беззаветной преданностью дерется на ураганных фронтах птицетики.

Начиная от «Правды» и кончая «Известиями о Нижегородском радиохимконцерте», начиная с большого паровозного депо и кончая сереньким подделепятным листком, прошедшим «выездной типографии»—печать страны бьет в набат о том, что надо прежде всего мобилизовывать внутренние ресурсы.

Комсомольцы Сормова взялись подсчитать, что может дать мобилизация внутренних ресурсов. Есть сухие цифры, которые должны выразить человеческие сопоставления, но в среде становятся весомы и ощущаемы. Очень немногие подсчитали такую цифру: день рабочего на Сормове заполнен только на 64%. Но это значит, что человек, работая на Сормове 8 часов, делает ценности только на протяжении 5 с половиной часов.

И вот например общая фраза из речи оратора: «У нас очень велики прогрмы, они являются не из помех, их надо уничтожить». А в переводе на человеческий язык это означает чудовищную ахиллесову пятку: прогрмы на Сормове скоряки в этом году 26 паровозов—они испарились в пространстве 5 сорок

Слесарь-комсомолец, ударник кровельной фабрики в Луганске, проработавший по ремонту насосов в шахте Краснополье 7 и 8 ноября беспрерывно 25 часов.

СКИЙ ПОТОК

московских богатырей с портшами, с котлами, с тендерами. На 26 пустых мест в советских двери не придут исполненные блестящие гости. Потому что — программа.

Для тех комсомольцев, которые любят политическую поэзию, для декламаторов на семейных вечерах слово «внутренний ресурс» — это нечто вроде эпитета и убеждением: копаться в гайках, разискивать в ямах изъеденный раканью лом, кроинуть новые схемы организации труда, собирать рабочие предложения, изобретать новую расстановку парней у глиняных печей... Но ведь именно из этого и растет социализм — в этой внутренней подстилке, в этой внутренней мобилизации невыскрытых возможностей. Сокровенный клад лежит в земляном яме, потребуется только беспринципство, бесстыдчество, безалаберность. Его нужно откопать. Это называется борьбой против тех, кто хочет объявить демобилизацию под флагом объективных причин и объективного ничегонеделания.

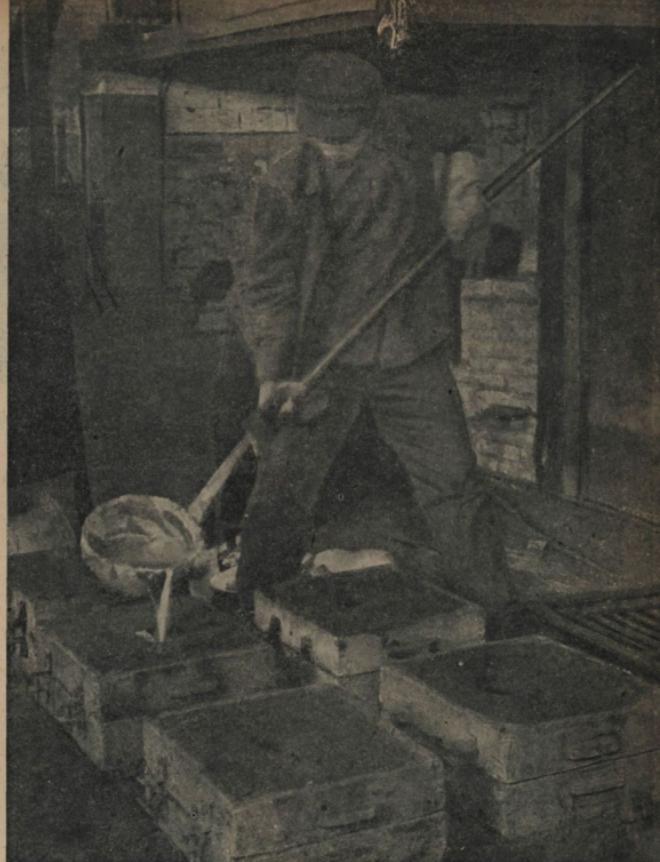
Кооперирование цехов и повышение сменности является самым крепким противоядием от недостатка рабочих рук. Но аппарат завода столь неуклюж, что не может ухватиться за это зевно. Секретарь комсомольской ячейки болтолова, бесплановщика, бесстолковщика, безалабериста. Его нужно откопать. Это называется борьбой против тех, кто хочет объявить демобилизацию под флагом объективных причин и объективного ничегонеделания.

Где типизация продуктов?

Где специализация производства?

Где улучшение транспорта?

Знаешь ли ты, товарищ читатель, что такое на Сормове внутреннезаводской транспорт? Вот, куда же мы можем привлечь комсомольских воинов для использования внутренних ресурсов? Вы скажете, что транспорт — это орган кровообращения в заводском организме. Да, вы правы. Но от мартеновского цеха до кузнечного надо ехать три дня! Три с половиной дня проделывается путь длиной в 60 метров. Три с половиной дня — это время можно перекинуться из холода Сибири на пальян экватор! А на большевиковском заводе «Красное Сормово», который удивляет мир своими темпами роста, нечастая чугунная бобанка едет несколько десятков шагов в течение трех с половиной суток!..

В литьевой.

Людям к лицу сошлились в цехе на печи, на печи. Кто сказал, что в цехе нет классовой борьбы? Наносные элементы в рабочем классе сопротивляются новым формам социалистического труда, прищаяльная и темная «деревенщина» не хочет «слезать с печи» (призыв Демьяна Бедного), ее надо оттуда стаскивать на ноги. Этому Lager противостоят на Сормове другой — старые кадровики, племянная рабочая молодежь, комсомолия.

«Такое положение отчасти от того, что сормовские комсомольцы «милитаризованы» для мирной хозяйственной борьбы: бригада, штаб, налет, разведка... Нет, это не трескотня — это отпечаток нашей эпохи, когда враг воинствует и мы также должны воинствовать.

Дружинки сверхурочных трех часов. Группы срочной скорой помощи. Бригады помощи директору.

Бригады лягушачьих буksира.

Комсомольский патруль.

Это были стихийно возникшие комсомольские производственные группы, которые в значительной мере были «виновниками» того, что кривая продукции поползла

вверх. Бригада комсомольца Ефимова подняла выплавку до 167%. Бригада совершило, начисто, до конца, до последнего человека-часа, ликвидировала прогулы и простой. Она совершило, начисто, до конца, до последнего показателя, ликвидировала брак. И еще более ценно то, что такое рвение, такая сознательность неизменно поднимает авторитет комсомола, что Ефимов становится мерилом в цехе. Лодыри сознают, что Ефимов привычен к группе, как к себе в костюме.

Молодые специалисты, подхваченные комсомольским потоком, пошли против своих реакционных друзей. Вот техник Фридман, подлинный энтузиаст рационализации — его разработки о цеховых кладовых принесут производству огромную пользу. Вот техники Кузьмина и Виноградова, упорно работающие по 16 часов в сутки, добровольно защищющие себя за заводом на всю пятницу.

Красно спавные обличия воззушевленiem, показали образы работы бригады Шестопалова, Приняхова, Виноградова и Куприянова.

Окончание на 9 стр.

РАЗОБЛАЧЕННЫЕ ПРЕДАТЕЛИ

В. Викторов

«Рабочее» правительство, среди членов которого ни одного настоящего рабочего! «Рабочие» кадры, заявляющие по 30, 40, 50 тысяч в год. Снижение зарплаты для находящихся рабочих. «Рабочий» министром оно не угрожает. Жалованье Макдональду например предложено увеличить до 80 тысяч рублей.

Предатели разоблачали себя. Достаточно сопоставить программные заявления английской рабочей партии во время первых выборов с кадрами, позорными результатами 16-месячной работы национального правительства Макдональда, чтобы ясно представить глубину обмана и предательства реформистов. Это сопоставление и сделала тог Мерфи в своей книжке «Рабочее правительство», содержащей которой мы хотим передать.

Одним из главных козырей рабочей партии во время выборов было ее обещание уменьшить безработицу и усилить помощь безработным.

В предвыборной листовке в мае 1929 г. партия писала:

«Рабочая партия безоговорочно обещает немедленно повести на деле борьбу с безработицей».

Макдональд через две недели после выборов заявил: «В первую же сессию парламента мы займемся безработицей и дадим помощь и надежду рабочим Англии. Мы не разочаруем тех, кто оказал нам доверие».

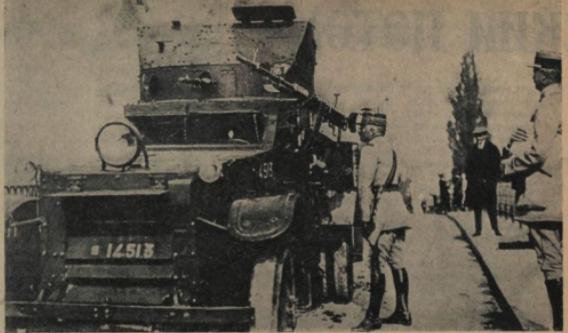
Таковы обещания. Но если в мае 1929 г. число зарегистрированных безработных в Англии составляло 1 222 713, то в августе 1930 г. это было 2 050 000.

Рабочая партия теперь говорит о «неожиданном» и «екатериновском» положении рабочих, но коммунисты уже давно указывали на неизбежное углубление хронического кризиса капитализма.

Какими же средствами рабочее правительство «боролось» против безработицы? Здесь были две «политики». Во-первых, политика «ближнего прицела» — общественные работы, во-вторых, политика «далекого прицела» — расширение рынков, рост продукции, а следовательно и числа занятых рабочих.

Суммы, ассигнованные рабочим правительством на общественные работы, были мизерны. Что же касается политики «далекого прицела», то она привела и не могла не привести к прямому противоположному результату — к увеличению безработицы. В самом деле, борьба за рынки ведется путем ущемления производства, а капитали-

стическая рационализация идет по линии снижения зарплаты и сокращения рабочей силы.

Французская армия установила механизированную на фото — Гравадон.

стическая рационализация идет по линии снижения зарплаты и сокращения рабочей

Американский империализм строит новые военные суда.

сили. За последние 5 лет производительность труда повысилась на 21%. В 1930 г. 10 отраслей промышленности производили

на 11% больше, чем в 1924 г., а число рабочих в них сократилось на 8%.

Но может быть рабочее правительство, оказавшись не в состоянии побороть безработицу, исполнило свое обещание о помощи беспризорным? Нет, и это обещание осталось невыполненным. Даже волuntарное правило, по которому безработный для получения пособия должен доказать, что он «действительно ищет работы», оставлено в силе рабочим правительством, только редакция этого пункта правил слегка изменила: безработные должны доказать, что они «стараются подыскать работу». Этим пособием под правительством Болдуина было спасено с пособиями 555 000 безработных, за первый год работы правительства — 630 000.

Рабочее правительство не выполнило и своих обещаний о сохранении зарплаты на прежнем уровне. Рабочая партия писала перед выборами: «Пытаться вести конкуренцию путем снижения зарплаты и удлинять рабочий день — это вредная практика, скользкую наклонную власость, внизу которой раскрылась пропасть всеобщего раздора...». Через несколько месяцев правительство этой партии, ничтоже сумняшеся, вступило на эту «скользкую наклонную плоскость», согласившись на снижение зарплаты сначала рабочим хлопчатобумажной промышленности на 6,41%, на 5,7% — на текстильной, 9,25% — на 7,4% — на 7%.

Партия обещала «немедленную помощь горнякам». «Злосчастный закон», которым консервативное правительство увеличил на час рабочий день горняка, должен быть немедленно отменен. В результате горняки получили 45-часовую неделю, т. е. 7½ часов рабочий день.

В результате регулирования добчи угля, введенного в мае 1930 г. на 100% — т. е. производство уголья было ограничено, горняки усыпались, несмотря на повышение цен на уголь. Зарплата продолжала понижаться. Больше всего правительство цеплялось за законности и порядок. Во время забастовок полиция «рабочего» правительства и «рабочих» мунципалитаторов разгоняла рабочих, арестовывала рабочие пикеты, экспроприровала штабквартирех рабочих, вынуждала рабочих уходить с работы, за всеми руководящими работниками компаний, возбудило ряд судебных процесс против коммунистов и т. д. Словом «рабочее» правительство применяло полицию и суд против рабочих и революционного рабочего движения с таким же беспытством, как и любое другое классовое буржуазное правительство.

Бюджет рабочего правительства почти ничего не отличается от бюджета консерваторов. Когда-то рабочая партия говорила, что по военным зданиям нечестно платить полным рублем, и предлагала уменьшить сумму займа вдвое, т. е. заплатить полтинник за рубль. Теперь об этом ничего не слыхать, и рабочее правительство платит буржуазии, в руках которой сосредо-

Протесты демонстрации в Берлине под контролем.

точены займы, три миллиарда рублей в год одинаковых процентов. Около 600 миллионов рублей идет на погашение займов и 1100 миллионов—на военные расходы. В общем военные долги и подготовка к новой войне занимают в бюджете—ни много, ни мало—60% всех расходов.

Политика рабочего правительства по отношению к Индии также мало походит на разговоры рабочей партии о «праве индийского народа на самоуправление и самоопределение», о «превращении Индии в ближнее время с ее собственным соглашением о равноправии членов Британского союза народов» и т. д. Твердолобый Джайсон Хикс заявлял: «Мы завоевали Индию не для пользы индуистов. Я знаю, что на миссионерских собраниях говорят, будто мы завоевали Индию, чтобы поднять культурный уровень индуистов. Это—лицемерие! Мы завоевали Индию мечом и удерживаем власть над ней мечом. Мы держим ее под своей властью, как лучший рынок для английских товаров, в особенности текстильных». Политика рабочего правительства, в свою очередь, не отличается от политики партии, ничем не отличающейся от «твердолобых» заявлений «Джикса». Томас—тот даже обижается, когда ему напоминают о прошлом. «Английский флаг... заявляет он, не является собственностью или привилегией какой-нибудь одной партии... Рабочая партия так же тщательно будет сохранять честь Империи... как любое предшествующее правительство».

Миртускин, индийских революционеров-анархистов, полученный в наследство от консерваторов, ведется уже окколо двух лет по исходу строгости законов и без закона. Правительство отказалось выпустить обвиняемых на поруки, отказалось передать дело суду присяжных. Правительство пообщало допустить поездку в Индию защитника от компартии, но когда такою защитником (Дж. Кэмпбелл) был назначен, оно не дало ему визы на въезд в Индию. А ведь по существу дела обвиняемые—бывшие члены компартии Саргат, Бордхи и Гетчигисов—только выполнили резолюцию конгресса (1925) английских трэд-юнионов, заявившего о своей «полнейшей оппозиции империализму» и постановившего «содействовать рабочим во всех частях Британской империи в организации профессиональных союзов и политических партий» для борьбы против него. Но Ми-рутскии процесс был только началом. За ним последовал разгром профсоюзной рабочей аристократии, фактическое вынуждение осадного положения, военные действия против восставших племен на афганской

границе, сбросывание тысяч бомб на индийские села и деревни.

Рабочее правительство придерживается той же «твердолобой» политики и по отношению ко всем остальным колониям. Оно усыпило Египет, Палестину, Нигерию, Самоа и т. д., участвовало в интервенции против китайской красной армии. И понятно, почему оно заслужено похвалу своих противников-консерваторов, которые с удовлетворением поспешили сказать, как рабочее правительство «стаскает каштаны из огурцов» господ капиталистов.

Рабочее правительство обычно восстанавливает спошнение в СССР. Это кажется единственным обещанием, которое оно выполняло, но как! Всему памяти, как рабочее правительство тунело с этим делом, как оно передергивало и продолжает передергивать по вопросу о пресловутой «пропаганде», настаивая на ответственности правительства СССР за действия Коминтерна.

Во время антисоветской кампании церковников премьер-министр рабочего правительства Макдональд опубликовал письмо, в котором говорил: «Мы не можем отнести к религиозным преследованиям». Другой «рабочий» министр, лорд Пармур, отвечая на запрос архиепископа Кентерберийского, заявил в Палате лордов: «Я не намерен преумножать совершаемые в России зверства». Во времена китайской бандитской авантюры из КВЖД рабочее правительство присоседилось к выступлению Америки о «нарушении СССР пакта Келлогга».

«Разорвавши в воздухе» вооруженные обвинения рабочей партии, превратились в свою противоположность, как только партия оказалась у власти. Том. Мерфи сравнивает военно-морские программы консерваторов и первого правительства Макдональда с программой второго правительства Макдональда и приходит к выводу, что нынешнее рабочее правительство строит броненосцы на подложки гораздо более спешным темпом, чем предыдущие правительства. Если в первом случае, то есть предательско-империалистическая политическая промышленность, договорилась с английским и французским генштабами об интервенции в СССР на 1930, в крайнем случае на 1931 год, то причина такой спешки становится совершенно ясной.

Хроника-образ тов. Мерфи превращается таким образом в хронику предательства рабочей партии. Рабочие Англии в следующий раз отнесутся более подозрительно к обещаниям г-на Макдональда, Томаса и Ко. Конечно, это может помочь им разобраться в том, где и как работают партии обманута и предала их.

КОМСОМОЛЬСКИЙ ПОТОК

Окончание. Нач. см. 6 и 7 стр.

В то время как администрации мудрьи распространяли по заводу теорию о невозможности доведения плана до стапка, ребята этот саботаж проводили снизу. В дельном цехе Шинкин и Сухарев сами довели план до стапка.

Бригада Мурзева в пократном цехе за время ударной работы с 5 по 14 сентября прокатила 33 тонны, обогнав другие бригады на 40%. На обращение ЦК от 3 сентября 10 ребят смены Николаевы из марте-вильской смены были назначены. На пятнадцатичасовой пеки дважды грабили пеки вместо двух с половиной. На 1, 2, 3 и 4 пеках три с половиной плавки в сутки. Завалку на нормах 5 и 6 сократили с 4/5 часов до 3/4. Именно победой этих отрядов энтузиастов можно объяснять то, что завод, имеющий только 80% выполнения плана, выполнил его в боевом сентябре на 106%. И на даром под анилагом «Славим героям класс-

Пионеры на службе у промфинплана.

са» местная заводская газета показала галерею лучших ударников: Телогреева (дизельный цех), Хлопочкина (паровозостроительный цех), Воинова (фасонный цех) и других.

Серые осенними утрами начинается в Сормове, в гроте и влаге завода борьба за цифры. Молодые ударники! Эта борьба—лучший рапорт Девятому комсомольскому съезду. Это имя—ударник!—не военный термин, но оно превосходит по силе лучшие слова, потому что в нем—удар. Борьба с прорывом через маленькие горизонты. Ударников-комсомольцев комсомольцы; сейчас выросли неизмеримо отрывом энтузиастов социализма. Были люди в Сормове, не понимавшие этого движения. Были люди в Сормове, увидевшие с самого начала в слове «самокритика» опасность для себя. Был секретарь районного комитета Кайгородов, конфисковавший 4000 экземпляров заводской газеты за замечку самокритического содержания. Его уже нет, как нет позорных цифр цеховых производительности, как нет многих из тех, кто в борьбе за большую заводскую пра-право самоката, — это нет, как нет многих оппортунистов в управлении, как нет многих прогульщиков на заводе. Молодое ударничество побеждает.

Комсомольский заводской комбайн в Борзне.

АТАКУЮЩИЕ НЕБО

Всеволод Иванов

В ноябре в Крыму, в Константинополе, закончился VII Всесоюзный слет планеристов, прошедший в этом году очень оживленно.

На слете пилотом Степаниченком установлен мировой рекорд фигуранного полета на планере.

Внешне в слете подавалось большинство его участников состоявшимся в Китае первым в истории рабочей молодежи, что и определило его характер и тему.

Участник слета, тов. В. Иванов, член которого мы печатаем ниже, знакомит наших читателей с прошлым планеризма, его настоющими, его перспективами и успехами и достижениями VII слета планеристов.

Летом 1909 года обитатели одного из таких дачных поселков на Клязьме, под Москвой, были очень удивлены, увидев группу молодежи, тащившую странный аппарат, похожий на самолет, но не имевший мотора ни пропеллера.

Дачники, свидетели этого происшествия, были еще больше поражены, когда диковинный аппарат из их глазах отдалась от земли, взмыла вверх и, пролетев Клязьму, зависла опустившись на ее противоположном берегу.

Это был первый полет на планере одного из пионеров планеризма в деревоэволюционной России, студента Технического училища Рогинского. Полет его продлился всего 1½ минуты и было покрыто при этом расстояние в 50 метров. В то время это было большой сенсацией, всесоюзским рекордом.

Прошло с тех пор не мало времени. Планеризм уже вышел к окончательной победе. Но путь его был тернист и победа досталась нелегко.

Первые планеристы познали горечь разочарований и тяготы первых неудач. В обстановке косности, консерватизма, господствовавших в деревоэволюционное время, работать им было нелегко. К счастью для планеризма его основоположники оказались большими энтузиастами и в самые трудные времена не дали угаснуть любому делу.

Начало для планеризма пришло с Октябрьской революцией. Но вскорь из Китая началась война, затем наступил период холода и разрухи. В эту пору было не до планеризма. Пролетариат страны, только что освобожденный от пут царизма, с винтовкой в руках защищал свое право творить новую жизнь, а kostяк рука голова была готова задушить и революцию и ее создателей.

Одним из пионеров советского планеризма и основателем первого в Москве планерного общества был тов. К. Арецузов. Недавно исполнилось 20 лет летной работы этого неутомимого партизана и летчика большой авиационной культуры.

Других пилотов, пролетавших 20 лет и продолжающих летать, не найдется пока лишь не только у нас, но и за границей. 20 лет постоянной напряженной борьбы с воздушной стихией! Какое сердце, какая нервная система должны быть у такого пилота, если он и сегодня летает так, как летал 10-12 лет назад! К. К. Арецузов справедливо считается одним из лучших пилотов Добролета. Нет такого самолета, на

котором бы он не летал. Начав летать на планерах, или вернее на «примусах», как называли тогдашние самодельные самолеты, он летает теперь на изящных быстротходных машинах, близких к совершенству. Но и теперь Арецузов не порвал с планеризмом.

О первых днях советского планеризма К. К. Арецузов говорит:

— Было трудное время. Нужно было крепко любить это дело и глубоко верить в него, чтобы легко перенести все тяготы и лишения, с которыми были соприжлены первые годы советского планеризма.

Большинство планеристов видело лишь забаву. Победы энтузиазма планеристов. Когда на первых планерных состязаниях в 1923 году pilot Юнгейм, вопреки отрицанию скептиков, продержался в воздухе выше одного часа и пролетел 1½ километра по прямой, интерес к планеризму сразу возрос, он получил признание и стал быстро развиваться.

МОЛОДЕЖЬ ПРИШЛА

Планеризм деревоэволюционный от планеризма современного отделяет дистанция огромного размера. Тогда — минутные полеты, теперь — часовые полеты, тогда — десятки метров, теперь — тысячи метров и десятки километров и т. д.

Советский планеризм занял на международной арене второе после Германии место. А. Глазьев, на смену прежним реалистам, гимнастам и макиевским сыновьям принесли молодые слесари, магнетчики, сварщики, столяры, второступенцы из Москвы, Лысьвы, Ленинграда, Вильны, Харькова, Краснодара, Новокузнецка. Вильнянские принесли с собой большую долю молодого пыла, энергии, энтузиазма, новых методов работы: удальничество, соревнование. Появился новый кадр парашитистов. Причины: бывший беспризорник — застригший летчик и быть может ученик Козлов, комсомолец Пищев, Степаниченко, вчерашний комсомолец, сегодня коммунист, и одни из лучших в СССР летчиков-инструкторов, pilot Василий и многие другие.

На VII Всесоюзном слете планеристов 80% пилотов были комсомольцы, работяги, молодежь.

На слете участвовали и пионеры планеризма — Арецузов, Жабров, Кудрин. Они же его первые жертвы. Их любовь к парению

столна им недешево: помятых и поломанных ног, ребер и ключиц. Машинного времени были далеки от совершенства.

Было время, когда планеры «складывались» крылья в воздухе и вместе с пилотом камнем лежали вниз. Иное дело теперь. Конструкции планеров обладают большим запасом прочности и достаточно совершенны. Аварии теперь стали большой редкостью и носят характер небольших поломок при взлете и посадке. Авария в воздухе — об этом уже забыли. Это было когда-то. От стариков не хочет отставать молодежь.

Ученики на слете прозвали «шараповыми» по фамилии старшего учебных групп лётчика Шарапова.

Шараповы совершили на слете свыше 3000 полетов. Даже тогда, когда на рекордном слете из-за сильного ветра не было работы, шараповы «прыгали» на планерах со своих горок. Работа на учебном старте продолжалась ежедневно 12 часов. Были иериды случаи, когда из 26 участников в слете машин добрая половина одновременно находилась в воздухе.

Поинто по результатам работы не заслужил скромности. За время лета было выпущено свыше 50 пилотов-планеристов, 26 пилотов-парашитистов, в том числе первая в СССР женщина-парашитист тов. Гринауэр.

Каждый ученик, прежде чем выйти в парящий полет, имел налета всего 40 минут. Другими словами, молодые, пришедшие с фабрик и заводов, рабочие, не имеющие до того никакого понятия о планеризме, становились пилотами после 40-минутного пребывания в воздухе и возвращались в пареньки в Коктебель после 23 полетов.

Это ли не достижение? Не в этом ли громадное значение планеризма? В будущем году СССР будет иметь 26 тыс. километров воздушных линий, а к концу пятилетки общее их протяжение будет еще больше. Для их обслуживания потребуются десятки тысяч пилотов.

Теперь уже для всех ясно, что эти новые советские кадры летчиков придут в авиацию через планеризм и не только в гражданскую, но и в военную.

На этом ответственнейшем участке молодежи предстоит сыграть выдающуюся роль.

«ВОТКНУЛИ БУРЖУЯМ»

Помимо ряда интересных полетов, совершенных на слете Арецузовым, Юмашевым, Бенславом на планере «Комсомольская правда», Кошцем и др., летчиком Степаниченком установлен мировой рекорд фигуранного полета.

Со стороны — спортивный советский пилот. Его юношеские годы прошли в далекой Манчжурии, где его отец работал на К.-В. ж. д. С малых лет он познал борьбу с врагом и жизнь в буржуазном «раке». О Манчжурии он сейчас вспоминает, как о далеком и тяжелом прошлом. Он может рассказать, как там детей рабочих сажают в тюрьму по «пустяковым» поводам, за неучтивое отношение к попам например, как в тюрьмах истязают заподозренных в симпатии к бывшевикам и о многом другом.

Он и его отец-рабочий на себе испытали прелести оголтелого режима.

На снимке: наверху — пилот Степаниченко, установивший всесоюзный рекорд фигуранного полета в Китае, в аэропорту «Сяо-Чжан», Королева, на котором т. Степаниченко установил всесоюзный рекорд.

По окончании летной школы Степанченко становится инструктором и очень скоро выдвигается в ряды лучших инструкторов СССР. За 5 лет ответственнейшей работы им выпущено не малое число советских лётчиков. Не легкая, но почетная работа.

В планеризме Степанченко пришел недавно, но связан с ним кровно.

На прошлых состязаниях им был установлен рекорд дальности полета на планере — свыше 10 часов. На VII слете ему принадлежит мировой рекорд фигурного полета. На планере «СК-3» молодого советского инженера-конструктора Королева он сделал три мертвых петли.

Для такого полета был необходим довольно сильный ветер.

Его как назло было. Сам конструктор машины Королев успел совершить на ней испытательный полет, пробежавший в полете машину, поставили в сторону, на старте, накрыли брезентом и стали терпеливо ждать лучших дней. Вскоре вообще о ней забыли. Прошло много дней, но сильного ветра не было. Конструктор и пилот Королев успел заболеть брошиным тифом и его отвезли в больницу в Феодосию. Планер совсем скрютился. Но однажды, приехав на старт, слетали привычным ухом почувствовали ветер с юга. Изменился его смысл. Оказалось — 15 метров в секунду.

Тогда начальник летной части, он же пилот, Степанченко приказал вывести «СК-3» на старт.

Все решили:

— Проблемы полет.

Степанченко сменил легкую тужурку на более теплую кожаную пальто, одел шлем, представитель техкомиссии осмотрел машину и соображал:

— Все в порядке! Стартуй!

Пилот сел в кабину, амортизатор натянул.

Свистнул стартера. Планер отрывается от земли и, сделав кругой вираж, выходит вдоль склона горы.

Вскоре ему удается набрать небольшую высоту. Планер, пролетев до конца склона, возвращается обратно. И вдруг... с высоты 300 метров на неожиданной быстротой «СК-3» скрещиваясь летит вниз.

Жуткий момент.

— Неужели катастрофа?!

Сотни глаз в этот миг были устремлены в одну точку: на планер «СК-3». Однако, не долетев до земли какой-нибудь сотни метров, планер становится в перпендикулярное к ней положение, и секунду как бы зависает и затем, не поклоняясь, спускается спиною в воздухе привычный круг и продолжает затем полет.

— Мертвяя петля!.. Какая чистота! — выразился у всех радостный взглас и азмече облегченный вздох.

За первой петлей вторая, за нею третья. Раздается гром аплодисментов. Оставшиеся на земле пилоты приветствуют своего товарища.

Планер
«Комсомольская
правда»
в полете.

А через каких-нибудь пятьдесят минут пилот Степанченко уже на земле и скромно рассказал радиоэфиру о том, как им был поставлен мировой рекорд.

Его забрасывают вопросами:

— Какая высота по альтиметру?

— Какая скорость? Как машина?

Просто и коротко пилот отвечает всем, словно рассказывает о самых обыденных вещах. По традиции его пытаются начинуть, но он убегает.

Ленинградский пилот Иост, радостно потирая руки, говорит:

— Вотнули буруны...

Иост прыг. Опыт фигурного полета на планере до сих пор удался лишь американцам, но американский летчик делал плюс ли при помощи самолета, который буксировал планер в воздухе.

Степанченко сделал петли самостоятельно, без помощи самолета. Его полет еще раз доказал, что Советский Союз располагает высококвалифицированными пилотами и конструкторами.

КАРАДАГ ПОБЕЖДЕН

Другой интересный полет был совершен ленинградским пилотом А. Иостом на лучшей машине слета «Город Ленина», молодого и талантливого ленинградского конструктора О. Антонова.

Иост не установил никакого рекорда. Его полет интересен и замечателен другим. Он первый смело атаковал суровый и мрачный Кара-даг. Быстро, без колебаний, прорвал защищенный маршрута Коктебель — Севастополь. Следить на планере в Севастополь ментали на протяжении ряда лет многие пилоты, но до Иоста никто не решался вступить в открытий бой с чудовищем — Карадагом.

Его гигантские, отвесные, как стена, скользящие в море склоны, сильно пересеченная местность, а следовательно и неизбежные здесь завихрения, ничего не су-

лили хорошего пилотам. Лететь на Карадаг на языке пилотов означало:

«Ринуться корту в пасть».
А его склоны они прозвали: «чортова зубья».

И вот рисунок первым. Все это хорошо, пока планер не покорялся со склонами Карадага. Но стоило ему подлететь ближе к ним, как его стало трепать и болтать, словно подхваченная ветром щепку.

Сдюко «Город Ленина» продолжал лететь над морем, едва не задевая правым крылом прибрежные скалы. Но вскоре машина стала резко терять высоту и через мгновение исчезла из нашего поля зрения. Ащееводы наблюдали полет, сказали: «Что-то не ладко с Иостом».

Мы сели в автомобиль и помчались в тарасскую деревню Отчуж, где, по нашим предположениям, мог опуститься Иост. Вскоре наши опасения подтвердились. Иост потерпел аварию.

Родители пилота, старик и старуха, сожалев, бросив планер на склоне разбились и они вместе с пилотом упали в море. Очнувшись на дне в море, мы нашли Иоста, мокрого, подозрительного, у подноска склонов, ученившегося руками и ногами за ее выступ. Резиновая камера, захваченная им на всякий случай, и уменьшавшая плавание моряк — спасли его.

Подойдя к берегу, мы сняли Иоста со склона и усадили его на лодку.

Мы помогли ему снять промокшую насквозь комбинезон и уменьшавшую плавание. В Коктебеле, уже сидя в столовой, в кругу своих товарищей, Иост рассказывал:

— За 15 лет летной работы первый раз попал в такую трепку.

Иост в этом году не достиг Севастополя. Но, пройдя один из труднейших этапов, одолев наконец казахский непрступный Карадаг, он первый доказал возможность осуществления этого маршрута. И нет сомнения, что при более благоприятных условиях этот маршрут будет осуществлен рано или поздно. В этом большая заслуга пилота.

Поступки Степанченко и Иоста не исчезают с достижения слета. Большая работа в области изучения воздушных потоков продолжалась на слете летчиком Пуантисом, летавшим на самолете «Пионерская правда».

Достижения слета велики. Но планеризму еще нехватает массовости. Между тем он имеет все шансы стать массовым спортом молодежи и тогда он даст поразительный эффект.

Строящийся в Москве Осоавиахимом завод массового производства планеров и создание в Коктебеле Всесоюзного научно-исследовательского института и постоянной планерной станции будут способствовать дальнейшему успешному развитию планеризма в СССР.

80% участников слета — комсомольцы и рабочая молодежь!

Планер «Город
Ленина» в
полете.

ОСТРОВ КЕНАФ

И. Сергеев

Тонкий серп луны, будто вырисованный лединой тушью, висел над черным Таласом — гремучей рекой, сменившей стremи-тельный горный берег на плавный грехот равнины. Водопады, как изумрудные звречки, как полированное стекло, и тонкими прозрачками стояли голубые дымы казахских костров. В юрте председателя колхоза ярко мерцала двадцатипятинейная точка керосиновой лампы.

Это было в ауле Кенес.

В ауле Кенес, ранней весной, из старого колхозника, объединившего тридцать четыре семьи, вырос большой, самый большой в окресте казахской котловины. Честолюбивый и энергичный колхозник, четвертая семья сложила вместе беллинский слой скарб, свели лощадей, волос и переболодов. По величине и силам нового колхоза ему дан был пазан посева: девятъят из пшеницы, тростка — хлопка, двести — сафлора, кенаф, кунак (просо), овес, табак, клевер...

— Разве вам осилите? — хотели казахи. — Бы! — Бы! Годдарданцы, лентяи!

Без единого трактора колхоз поднимал тысячи гектаров земли. Тяжесть посева технических культур, вспашка полодок, чиршырматление, мальчики от первой половины утренней зари до полных звезд работали так, что забоее шинель баек смоктало и сменилось тревожным удивлением: к чему так работать? Чего они хотят?

Четырнадцатилетние, пятнадцатилетние, шестнадцатилетние мальчики хотели учиться. Сии потребовали дать им учителя. Колхоз отказал, у него не было средств.

— У нас будут средства, — ответили мальчики, — мы не будем считать часов, мы будем работать с заря до зари, но к осени, когда созреет урожай, мы выбьдем на уборку громотными.

Сроки посева подходили к концу. Из двухсот пятидесяти коней были выжаты все соки. Люди истомились. Девяносто семи ушло из колхоза в дали перегибов. Колхоз дрогнул. Из города прикатили шефы и стали за плуги и горны походных кузниц, на поле вышли женщины, веками сидевшие в юртах. Спотыкаясь, устали сидевшие и болезненно ссыпавшиеся — рухнули разом, верно падаю градобоее борозды. План был взят: тысяча га пшеницы, мальчики пятьдесят хлопка, тростка, сафлора, кенаф, кунак, овес, табак, кукуруза, ячмень, клевер...

Молодежь колхоза ждала обещанного учителя...

Взошла пшеница и хлопок развернула первые листы, взошли сафлор, кенаф и та-

бак, тонкие стрелы кунака пробили влажный покров земли, зазеленел овес, закружился розовый ковер клевера. От гор до гор лежали тысячи колхозных хижин.

Разошлись погоды, — урожай? — за- вистливо шептали бриги. — Годдарданцы! Вам придется нанимать батраков. А где вы их возьмете? Ведь вы сами из этого племени.

Только сейчас колхозники остались от азарта посева. Начиналось похмелье урожая. И хлопок и кенаф — культуры трудоемкие. Собрать хлопок совсем не то, что сковать хлеб. Трижды надо прополоть хлопок, трижды надо окучить хлопок и поливать надо хлопок. И всю эту работу следует производить точно и в срок. И кенаф, и сафлор, и табак ожидали рабочих рук.

У колхозников опустели руки.

А урожай приближался. Деянность бывших колхозников с тревогой наблюдалась на это наступление. Азарт вспыхнул, и у них прошел с похмелья единогласия: как бы войти обратно? Ведь их руки сейчас еще нужней, чем весной. Но колхоз вынес дикое решение: «Представляем нет места в колхозе». Район молчал. Выходил проситься. Колхоз гнал из сфер границы. Район молчал. Ответработники отда-хали на курортах.

Урожай наступил. Он шумел и переливался темноватыми волнами селекционной пшеницы, он шиндел под ветром хлопком, табаком и кукурузой, коричневым овец, зеленым клевером, свеклой под солнцем, как море...

И тут баи дали бой колхозу. Он разгребся на самом слабом, молодом и технически невооруженном участке технических культур. И встретили этот бой женщины, молодые и старинки.

— Чтобы не умереть с голода, человеку нужны только хлеб, вода и мясо, — так заявляли баи. — Из хлопка каша не сваришь. К чему вам сафлор и кенаф? Он нужен городу. Вы же боритесь за хлеб. Даже великий Ленин сказал: борьба за хлеб — значит борьба за социализм. Но он ничего не говорил о технических культурах. О, другие друзья, кости пшеницу, молотите зерно, везите его на мельницу!

Ранним утром, при свете белых звезд, в город выхали секретарь и двадцатипятитысячник. Каменистая пыль, смешанная с водой горных потоков, летела из-под колытой коней.

Трактора нет!

Гни сину, друг!

Полкай бедигицую землю честным бедигицким потом.

Трактора нет!

Из кавель пота, как из зерен байды, (ишеницы),

Вырасты машины, юрты и школы.

Весну будущего года встретят весенний гром — трактора,

Он пройдет по нашим полям — трактор!

Наш трактор — машина бедигиков!

А пока, друг, гни сину.

Это честные потыны труду.

Ведь не блю ме ты манинешся, товарищ.

З-гей, товарищи, быстрей работай!

Песня колхозников Сыр-Дары, аул 55.

Воздух был недвижим, как полированное стекло. Тонкими призраками висели над колхозом синие дымы костров. В юрте предколхоза сияла двадцатипятинейная керосиновая звезда.

Двадцатипятитысячник держал слово.

— Хлеб на полях колхоза созрел, — говорил он. Еще несколько дней и машины пойдут на уборку. Табак погибнет. Хлопок в опасности. Уже погибли те плодородия га, что мы посыпали сверх плана, кенаф погибает, сафлор...

— Главное хлеб, — перебил его один из колхозников, — главное убрать хлеб, тогда мы будем сыта, а это главное.

— Кто это говорит? — встрепенулся комсомолец Аспулан. — Кто говорит, что главное хлеб? Это ты, Рагим?

— Был так говорят, — сказал батрак Куль-мамед.

— Но Рагим не бай.

— Рагим повторяет баев, — упрямко сказал Кульмамед.

— Нет, это правда! — закричали колхозники. — Ну хлопок еще пойдет на одеяла, халаты, а сафлор, а кенаф?!

— Товарищи колхозники, — резко сказал Мусульманыкул, — заводы, фабрики, машины, станки ожидают нашего урожая. Ни один коробочка хлопка ни один стебель кенафа...

— Технические культуры — хлеб машин, — бросил Аспулан. — Мы добьемся, чтоб машины не голодали.

— Но тогда мы будем голодают! — закричали один из колхозников, по имени Умар. — Ближе к дому, друзья. Сначала хлеб, потом остальное!

— Еще несколько дней и кенаф погиб, — резко заявил Мусульманыкул.

На мгновение настала тишина.

... Участок кенафа лежал далеко от главного массива колхозных построек. Он лежал в глубине, одинокий, как старик, и каменистая пыль кружила над ним. Чёрные трещины земли кишели скорпионами и фалангами. В сухой пыли витых и переплетенных, как калач, дорог ползали каракурды — черные пауки, укус которых в девяноста семи случаях из ста смертелен.

Остров кенафа — это был Сахалин колхоза. Бригады бежали кенафа, юрт там не ставили. Жили в легких подобиях палаток, где кроме соломенных плетеных крыши не было ничего. Днем эти избушки спасали от зноя, но ночью... холодно ночью в горах. Даже почко в июле...

Одни из многочисленных красных обозов, организованных в 10-летию Казахстана.

Команда «Потемкина», находившаяся в Румынии.

заки стреляли по рабочим и в рабочих кварталах царило страшное избиение. В этот же день в порт вошел под угрозой бомбардировок, царские слуги не могли решиться открыто выступить против матросов. Три дня толпа народа собиралась около трупа Вакуличка и слушала здесь горячие революционные речи. 17 июня совершенны были торжественные похороны Вакуличка.

Хотя против «Потемкина» и отказались выступать моряки остальных судов, а броненосец «Георгий Победоносец» также присоединился к правде на короткое время к восставшему кораблю, но восстание окончилось неудачей. Сухопутные войска оказались на стороне врага.

«Потемкину» не удалось получить угля и продовольствия и команда вынуждена была высадиться в Румынию, сдав таможинам власти судно.

Восстание «Потемкина» породило небывалую тревогу в царском лагере. Со всех сторон неслись телеграммы, донесения, сводки.

Особым много забота занимали царские дипломаты, добившиеся того, чтобы «Потемкину» не давали возможности зайти в иностранные порты и чтобы в случае если команда сойдет на берег, она была выдана России. С этой целью надо было изобрести матросов «Потемкина» простыми уголовными преступниками. В Болгарии и Румынии полетели телеграммы русским по-слам:

«Броненосец «Киевъ» и минносец 267, команды коих взбунтовались, пришли в Констанцу. Сообщите об этом румынскому правительству, передайте ему нашу просьбу о том, чтобы команда не была выдана ни углы. При этом обратите главное внимание правительства, при котором вы аккредитованы, что команды совершили много важных уголовных преступлений: — убийства, поджогов, грабежей». Однако эти

ущесия оказались тщетными. В Болгарии быстро согласились под каким бы то ни было предлогом арестовать потемкинцев, но в Румынии не решились столь открыто выполнить

«Найдено оружие» (из журналов 1905 г.).

жандармскую роль. Правда потом румынское правительство согласилось, но команда «Потемкина» арестована после высадки не была. Не были арестованы и представители судового комитета, куда входили и социал-демократы.

Судьба команды «Георгия Победоносца» более трагичной. Команда решала сдаться и в среде ее постарались произвести чистку. Семидесят пять человек были преданы военному суду и трое из них приговорены к смертной казни. Остальные посплатились каторжными работами. Адмирал Чухин не дал хода кассационной жалобе и тем самым подтвердил одному из осужденных смерть сильной на нечестивые каторжные работы, а машинист Коцуба и матрос Дейнеги были расстреляны. Начальство стремилось изобразить все восстание как результат «сворачивания» матросов, которые потом дружно раскаились и сами решили выдать зачинщиков. С этой целью было сформировано целое покаянное братьевладение, которое моряки показали своей готовности с радостью умереть за царя и отечество. Но на настроении матросов лучше говорит анонимка, сохранившаяся в судебном деле, в котором матросы грозят предателям.

«Предатель, ты рад, что дал командиру список тех людей, которые стояли за правду», пишет неизвестный автор. Это совершило разрыв между матросами и офицерами, о выдаче организаторов восстания всей командой. Выдача — дело рук провокатора.

Возление во флоте достигли особенно сильного размаха в ноябре, когда лейтенант Шмидт объявил себя командиром черноморского флота и красное знамя развилось на ряде военных судов. Но восстание было подавлено и на этот раз в Балаклаве восстальники охватили даже солдат.

Революционные вспышки во флоте не смогли разгореться в большой пожар.

Борьба пролетариата не нашла достаточно прочной поддержки в военных силах царизма.

Но уже в 1905 г. наметились первые формы смиски коммюнистов с восставшими массами, когда в сентябре 1905 г. в Балаклаве состояла балаклавская победа. Вместе с тем партия получила опыт, указывающий на необходимость глубже и шире вести работу в войсках.

И в этом смысле 1905 г. явился генеральной смысле победоносной пролетарской революции.

Демонстрация на улицах Варшавы 17 октября 1905 г.

Пресня в огне.

ДЕ

«Повернуться всей своей массой в сторону действий подчинить всю свою работу, каждый шаг своего активиста молодежи в хозяйственном строительстве классовым пролетарским содержанием, занятым уклоном от генеральной линии партии, в духе опасности, и решительного отпора мелкобуржуазной, которая во всякой работе оказывает свою Тан сказали декабрьский пленум ЦК ВЛКСМ (1929 г.). Следует отметить: в основном эти задачи мы решаем успешно.

Вперед, к новым победам, к новым достижениям!

Ленин когда-то назвал «пощадью» славящиеся рассказами Каутского о мирном врастании капитализма в социализм. Бухарин и его ученики пытались воспроизвести эту пощаду для послереволюционного периода, приглашая «к мирному врастанию» кулака. На самом деле конечно путь к завоеванию социализма лежит через упорную, жестокую борьбу классов, будь то баррикадные схватки или настороженные боевые столкновения на деревенской глухомане, где утверждалось было хулиганство, либо вторжение рабочих и инженеров в заводы, которые были оставлены без руководства и ожесточенным борьбой классов вредителей. Поэтому годы «челленго» не означают прекращения классовых схваток, а лишь замены их на мирную, в которой можно наслаждаться покоям. Бурлант и клоаконет классовых борьб. Кулак напрягает все силы, чтобы остановить, замедлить движение колхозного потока; но ломаются, крушатся преграды. Диалогированные лаки капитализма, надевшие маску «благородных специалистов», по указке французского генштаба сооружают хитроумные планы, направленные на срыв социалистического строительства и обезоруживание страны перед интервентами. Предполагаемые миные поля и т. д. — не в этом залежи. Бдительность органов пролетарской диктатуры разработана хребтом колхозников. А рабочий класс, на деле осуществляя ленинские задачи, одним из которых является привлечение к социалистическому соревнованию, ставит все новые рекорды темпов стройки.

Таково яркое выражение сегодняшней жизни, такова «музыка социализма», звучащая сейчас бурными и героями нотами, отнюдь не «平淡な」と «спокойная». Отого и IX съезд Комсомола будет пронизнут боевыми настроениями, классовой сторожностью, волей к наступлению, к войне за социализм на всех фронтах нашей стройки.

Комсомол приходит к IX съезду с немалыми победами. Руками комсомольцев было поднято знамя социалистического соревнования. Комсомольцы приступили к практическому осуществлению указания Ленина, что надо убеждать массы примером, образцами подлинно коммунистического труда, что надо учиться, строить, отдавая свои силы непосредственному участию в создании социализма.

Разве не достоин высокой похвалы созданный в Тагиле ударный комсомольский полк имени IX съезда, который двинулся по продуманному стратегическому плану на фронт прорыва? Равно не переключаются с германскими подвигами времён гражданской войны удачные результаты комсомольца Прокопьевского рудника, в дни открытия обозначающих угол в подвигах IX съезда?

Нельзя закрывать глаза на отдельные дезертиры, бегущие со стройки, не выдерживавших накала боевой работы, на отдельные промахи организаций, подменяющих феереврок срезолюций упорную и систематическую хозяйственную работу. Сюда придет еще не раз поворачивать жерла орудий самокритики. Но уже не подлежит никакому сомнению, что поворот комсомола лицом к производству сделан по-настоящему, всей огромной комсомольской массой. Задача состоит в том, чтобы разбросанную творческую энергию не распылять, а организовать, направить по руслу подлинного ударицтва.

Недавний еще тип комсомольца, воздыхающего о военной романтике, почти исчез из обихода. Комсомольцы завладели осознанием, поддающимся на опушь романтики и удовольствия, преданным идеалам битвы за пятнадцать и строительства, разрушающим легендарную профинишированность. Двигателями реальных задач этой романтики, первые не осмелиются принимать позу сущего героя. Но многие из задач, выдвинутых реконструктивным периодом, продолжают оставаться и нерешенными или же решены только частично.

Мы имеем небывалый рост рабочих кадров. Сотни тысяч новых рабочих вливается в производство, вступают в пролетарскую семью. Эти новобранцы индустрии получают первое заводское крещение. Кандидаты вступят на многих из них мелкособственнические предрасудки и навыки, взращенные в деревне. Сбиты с них эти кандидаты, заставить им смотреть социалистическими глазами на производство можно лишь путем коммунистического воспитания.

Комсомол написал на своем знамени лозунг: «100 процентов рабочей молодежи — в союз». Лозунг этот полностью остается в силе и сейчас: всякие попытки смазать его, урезать, подминуть расплывчатым изоговором, неизвестно чьим, неизвестно для каких целей, отторгнуты. Официально победой в области социалистического переустройства страны неслыханно подняли в рабочих массах авторитет Большевистской партии и привнесли в партию новые сотни тысяч рабочих от станицы. Несомненно, что тот же рост доверия к коммунистическому авангарду, то же усиление тяги к активной политической жизни имеет место в рядах рабочей молодежи. Надо лишь уметь зацепиться за интересы рабочей молодежи, увлечь ее, заинтересовать живым делом.

Среди рабочей молодежи вопрос процентов выходит из дискуссий, подлежащих переписке, переработке. Комсомольские вспышки не подождут ее мало труда для того, чтобы переделать отсталие прослойки рабочей молодежи для того, чтобы выкорчевать ее из существующего по-настоящему приобщить к социалистическим идеям. Но эта трудная задача является вместе с тем наиболее почтительной.

На ряду с профсоюзами комсомол будет основным источником рабочей массы в строительстве, рабочими будет заниматься на уровне соревнования. Но строительство комсомолом будет основано на уровне соревнования, вспышки, проникающие в рабочие массы. Но строительство комсомолом, застройщиками соревнования, борцами за национализацию промышленности. Но строительство комсомолом, на основе ячеек, ячейки, застройщиками соревнования, борцами за национализацию промышленности. Но строительство комсомолом, на основе ячеек, ячейки, застройщиками соревнования, борцами за национализацию промышленности. Но строительство комсомолом, на основе ячеек, ячейки, застройщиками соревнования, борцами за национализацию промышленности. Но строительство комсомолом, на основе ячеек, ячейки, застройщиками соревнования, борцами за национализацию промышленности.

Организационный рост комсомола не отделен от борьбы за социализм. Идеи комсомола должны быть неоднородны. В последние годы комсомол овладел неоднородно введенной свою революционной выдержанностью, троцкизмом в рядах комсомола, правооппортунистическим «левакизмом», требовавшие, чтобы каждый комсомолец самостоятельно решил партии, — все они наталкивались на железную стену преданности партии.

Сейчас и правые «леваки» оппортунисты создают единственный фронт. В этот фронт включились двурушники типа Сыроваткина, создававшего фракционные группы для пропаганды правооппортунистов, и бывшие «леваки», пытавшиеся стать «леваками» Шашкина др. Нельзя не подчеркнуть одного обстоятельства: у комсомольских организаций троцкизм не является самостоятельной идеей, а лишь отражением троцкизма оппортунистов, сроду этих ячейок. Фраза оказалось несколько былинных комсомольских рабочих наяде в свое время руководящую работу в комсомоле «да» в своем время поддерживала левые эскадры Шашкина, Крылова, взвыла смешу редакционного руководства. Именно левые, виновное крыло право-леваковского блока служит для него одним из помощников, которых оппортунисты пытаются проникнуть в единственный фронт. Тогда придется заметить, что именно «леваки» разновидность оппортунистов разоблачены. Снова рождаются троцкисты, прикрываясь с помощью виновного крыла виновного блока. Оно проникает в единственный фронт, вспыхнув на крикливые превращения. Одно из многочисленных выражений этого — это сожжение красных флагов оппортунистов, среди этих ячейок, на пасущие перед трудностями настроения. Правая виновная ячейка «леваки» захлопывает свои глаза с правыми. Но в дальнейшем ячейка «леваки» захлопывает свои глаза с правыми. Но в дальнейшем ячейка «леваки» захлопывает свои глаза с правыми. Но в дальнейшем ячейка «леваки» захлопывает свои глаза с правыми. Но в дальнейшем ячейка «леваки» захлопывает свои глаза с правыми.

Задачи теоретического вооружения комсомольцев в условиях нового периода особенно ясны. Усиление классовой борьбы о борьбе на идеологическом фронте. Только владея всеми этими методами успешии преодолеть всякого рода извращения и разрывы в строительстве комсомола, чтобы оправдать название классов. Только преодолевая всяческие попытки ставить молодежь в затруднительное положение, комсомол может в дальнейшем выполнить свою роль проводника пролетарского влияния молодежи.

В деревне с ростом колхозного движения и первыми шагами сплошной колхозификации для ликвидации кулакства начали серзенейшие сдвиги в расстановке и соотношении классов колхозника как на прочную опору советской власти и партии быть прочной усвоена комсомольским организациям. Если раньше комсомольская организация воображала, что не имея рабочей белой полосы, надо следить за деревнею на новых линиях и в комсомольской ячейке должна быть основным, важнейшим элементом комсомольской организации. Переустройство работы деревенской ячейки, стоящее впереди, должно быть уточнено, конкретизировано, укреплено в деревне и превращение его в узловый, опорный пункт на производственных и политических мероприятиях должно найти свое место в комсомольской работе.

НА СНИМКАХ: вверху слева — пионеры беседуют с прогулщиком; вверху справа — комсомолец Тичева несет часть плауга — подарок комсомольцев беженого завода. Южный Профинтерн IX съезд ВЛКСМ; внизу — комсомольцы запорожского завода «Коммунар» за сборкой одного из шести комбайнов, выпущенных в подарок IX съезду в сверхурочное время и выходные дни.

ЗЯТЫЙ

ительного участия во всех отраслях хозяйствственно-культурного строительства, движении задачам быстрейшего выполнения пятилетнего плана, возглавить все, овладеть технической культурой, пронизывая все свое мероприятие массы комсомольцев в духе большевистской непримиримости ко всяkim спацадной борьбы с правым уклоном в теории и на практике, как с главной газым "революционным", "левым" фразам, стать подлинно "ударной группой, проявляя свою инициативу, свой почин" (Ленин).

одня, оглядываясь на пройденный союзом к моменту IX съезда путь, мы с уверенностью

ши и большей частью уже решили.

на всех фронтах социалистического строительства!

ции. Это — материнская сознание этих предное, чуждое, у строительству, и ответственном, с помощью социалистического строительства производства, предает, не все. Еще из бортом союза деревни. Тут комсомол молодых IX съезд комсомольского охвата рабо-

тает следующими организаций: Лагерями, спасательными агтами, сильно прорвавшую и несокрушимую

антипартийский спиналь партии стиических взгляде. Ленинграде, среди "леваков" с каудией "Союза комсомольской интеллигенции" в Ленинградской пропаганде в других, что в революционных штуцальщиков, подсек. Следует же, до сих пор сущим согласием трупа правым, не обнубить, сбить, и не вспахать, не вспахать, не вспахать, а остается гла- большевистского вование "левых" не прорвать.

реконструктив- вает и усиление ленинизма-марксизма от гене- ся буржуазии в болото пра- ционной политики крестьянскую

сделанными па класса, произо- сии. Ставка на деревне должна союз поворачи- ся с единич- ными группами деревенской организаций зна- ящими аппаратов, проведением всех изжения во всей

Реконструктивный период не снимает проблем, которые на протяжении предшествующего периода являлись стержневыми в его работе: подготовка кадров и культурная революция. Школа фабрично-заводская выдержала испытание как основная, главная форма подготовки квалифицированной силы. Комсомол умело отразил все атаки на школу фабрично-заводскую, возглавляемую Гастевым при прямой поддержке прежнего правооппортунистического руководства ВЦСПС. Но еще не мало открыты "гастревиши", еще не до конца вытравлены оппортунистические настроения кое-каких хозяйственников, продолжающих смотреть на фабрично-заводскую школу как на школу для рабочих, а не для рабочих и служащих фабрично-заводской организации. Только сейчас во всю ширь поставлены задачи политехнической средней школы, т. е. фактически только сейчас по настоянию довершается разгром старой, дореволюционной "гимназии" с ее отрывом от реальной жизни, забуржью и бесцельной гимнастикой мозгов. Наконец в решающую фазу вступила борьба за грамотность. Введение на практике всеобщего обязательного обучения, расширение размаха ликбеза до таких пределов, когда ликвидация неграмотности среди взрослых начинает укладываться в реальные сроки нескользких лет, — вот главнейшие черты этого решающего периода культурной революции.

Именно в этих метапериодах комсомол уже показал образцы подлинной коммунистической работы, широко применяя методы культурно-образовательной, ведя подлинные бои за культуру для масс. Дальнейшее развертывание культурно-художественной борьбы за реальное осуществление политехнической в средней школе, закрепление командных высот в деле подготовки квалифицированной рабочей силы за вкладами фабрично-заводской — таковы задачи, стоящие перед комсомолом.

Они конечно не покрывают всего, что надо проделать в этих областях. Комсомольское влияние во втузах и вузах нуждается в серьезном укреплении. Орабоче-ница высшей школы находит особые обязательства на комсомол. Речь сейчас идет не просто о "учившихся", как об одной из прошлосок мелкобуржуазной молодежи. Речь идет о растущих кадрах пролетарских специалистов, пролетарской интеллигенции, которая имеет все права на самое пристальное внимание со стороны комсомола. Проведение культурной революции сейчас не могут быть оторваны от борьбы за пролетарскую литературу и искусство. Словом, коренные задачи — фабрично- заводской, антирелигиозной, политехнической — должны быть целой серией других, требующих привлечения комсомольских сил.

Однако на наиболее узких местах в работе комсомола является пионерское движение. В самом пионерском движении имеется не мало достижений, но без него в том, что до сих пор еще многие комсомольские организации занимаются пионерскими вопросами лишь «по двадцатицентовым праздникам». IX съезд предстоит, наметит то новое, что должно окрасить пионерскую работу в новые цвета, соответственно требованиям реконструктивного периода, добиться коренного перелома в области руководства пионердвижением. Комсомольские организации должны осознать свою политическую ответственность за детдвижение как за равноправную область комсомольской работы.

IX съезд комсомола собирается в условиях исключительного расцветатворческой идейной работы пролетарских масс. Что бы ни сочинили Сарычев и Ленинграде начнет "закрепления полезной инициативы рабочих", начнет "федоровско-барского отношения к массам", каждый молодой рабочий, каждый комсомолец собственными глазами, на опыте собственного участия в социалистической стройке, убеждается в противном — в исключительном развертывании инициативы осознавшим свою хозяйственную роль на производстве пролетариатом, во всемерной борьбе партии с бюрократизмом, с чиновничим пренебрежением к рабочим интересам. Шефство заводов над гос-аппаратом, особенно развернувшееся в связи с чисткой учредений во всяком виде и всех формах, включая и производство, ударные бригады, встречный промышленный — вот наиболее распространенные формы, в которые облекается это со знание рабочими своей хозяйственной роли, своего положения как класса диктатуры, класса, управляющего производством и государством. IX съезд должен будет строить свою работу под углом наибольшего использования этого творческого огня, который горит в жилах титанического класса-строителя, в земле, в силах, в мозгах, в душах рабочих, в озабоченности умы фундаментальных величин — земли, деб, справедливости вящих в колючей пыли, отозванной для социализма на фронте мирной стройки, нового шаг настремчу мировой революции, которая будет последней и единственной справедливой войной во всей истории человечества.

ПЯТОМУ СЪЕЗДУ РКСМ

Дорогие друзья! Очень жалею, что не могу лично приветствовать вас. Желаю работам вашего V съезду всяческого успеха. Уверен, что молодежь сумеет развиваться так успешно, чтобы на времени нарезания следующего момента мировой революции оказаться вполне на высоте задач.

С горячим коммунистическим приветом
В. Ульянов (Ленин)

11/X 1922 г.

Житель Улагана.

Маральник — загон для оленей.

ОКТЯБРЬ В УЛАГАНЕ

Марк Эгарт

Высоко в горах лежит Улаган. С севера и Чолымской долины крутым эзигатом идет к нему тропа. На тропе созидаются брохко и ломают ноги в болотинах «оконца», на расстоянии полдюжины дней пути лежит Чийбат. Горы, снега «бездеков», тайга, холодные прозрачные озерами глядящие в небо, толстый вековой слой хвои, пущистым рижком ковром расстилающийся под ногами,— здесь тишина встает прозрачной и глухой стеною, отделья тайгу от мира шумов, движений и людских голосов.

На горе несколько бревенчатых домиков, где живут работники аймака. Здание аймака испещрено ящиками, бочками, деревянными церковь с квадратной башенкой — новые клуб и кооперативный склад, почта, первомайская арка, трибуна на гладкой, выпотипанной площади, круглая яма с тлеющим костром; у костра лежат и сидят приехавшие со всеми делами в аймак. Коновязь, у которой всегда стоит оседлавшие кони. Винни, в двадцати шагах, по камням шумит Кату-Ярык, бегущий в теплую долину Чодышмана.

Низкое холодное облачное небо; ветры, налетающие со всех сторон из открытия, крутящие тело машины площади. На землю, трепещущую обрывки хвои, дамы стелются низко по ветру; люди у костра закутываются в тулупы, подвигаются к огню и густо дышат трубками. Из оконка слышно монотонное бранчение гитары и женский подпевавший голос.

Что-то затерянное, уныло-тосклившее в этой писне, в хмуром небе, в низко опущенных гривастых лошадиных головах, в ветре, что метет пыль, сухой поют, желтую хвою и гудит в крыше аймака. Забытая гора, забытые домики, забытые люди.

Так ли?

Весь день идет дождь. Синие сумерки сползают с гор над Улаганом; синие сумерки приносят ветер и ветер разгоняет тучи. Вечер. Церковный колокол медленно бьет один раз. Звук литой тяжелой медной пластины пльется среди шуршащих брызг над деревней, где вспыхивает огонь Кату-Ярыком. Колокол сывает из киносарайки.

Три-четыре раза в месяц приходят на вьюхах из Бийска кареты. Тогда бывает киносеанс. Тогда съезжаются в Улаган из уорониц и айлов за пять, десять, пятнадцать и двадцать километров револентены «вместе с женами и детьми и церковь не может вместить желающих. Тогда суетится сек-

ретарь аймака, он же завклубом, Малышев и рассеянные слушатели присаживаются по обеим сторонам. Он выкладывает всем билеты в кино. Приезжие думают, смотрят на разрозненные и жалкие билетики и остепеняются о цене. Малышев сбоку оглядывает спрашивающего, прикидывая в уме, в какой категории его отнести: рабочих или служащих. Рабочие платят 50 копеек, служащие — рубль. Но и тех и других в Улагане очень мало и Малышев решает вопрос «наглаз». Деньги берутся вперед — так на дежнее.

Накануне сеанс сорвался из-за порчи проекционного фонаря. Живущие далеко отсюда уехали в чужие края. Малышев и жалеет оторванные деньги. Зрители плачут право сорваться, но Малышев не был виноват, он был виноват и добровольец-механик. Чорт его знает, что мешало фонарю работать как следует. Всю ночь проворились они над фонарем и только к утру починили. Деловод Папаков и секретарь аймака Малышев в этот день не совсем исправно выполняли свои служебные обязанности — им хотелось спать. Но в 6 часов утра колокол в клубе, ссыпая из «превращенного» сеанса. В 6 часов они оба уже были на месте. Малышев, схватив с себя две доски для сидения, а Папаков и его помощник, аймачный исполнитель Ден настигали экран на том месте, где раньше были царские врата. Натягивали экран — муреная штука: экран состоит из шести разноцветных кусков полотна; последний кусок даже не полотно, а просто коричневая рубашка. Ден стоит на лесенке и укрепляет свой конец о гвоздь, на котором держится украсивший церковь первомайский лозунг. Как ни старался Ден, не из-за ветра, экран пропадал и между разноцветных кусков появлялся щель.

«Хватит!» кричит сердито Папаков и голос его взлетает вверх, к теменившему куполу. Под куполом, где висит колокол, выбиты узкие оконки и ветер прыгает и раскачивает полотно.

«Ну и клуб...»

Чтоб не раздражать себя, Папаков поворачивается и идет к деревянной подставке,

на которой расположена вся «киномашинерия» (как он ее называет).

Колокол бьет громко, красные огоньки в окнах хитро подмигивают сквозь дождь: после вчерашнего улаганца не торопятся в клуб. Малышев выходит на паперь и кричит в темноту, в дождь, в ветер по-опатски:

«Сейчас начнем!»

Возле «киномашинерии», согнувшись в генеральском фраке, сидит Малышев и вдруг выпыхивает свет. Лампа Папакова, освещенное синзу, становится серебряной и значительной. Он направляет свет на экран и все дефекты экрана в свете выступают еще сильней, особенно щель посередине; она похожа на большой, нахально оскалбившийся рот. Свет тухнет, динамка умолкает и Папаков, с керосиновой лампочкой в руке, идет к экрану чинить прореху.

Тем временем начинают собираться зрители. Первым приходит аймачный сторож Чаней. Он усаживается, верхнее укладывается на мешки с зерном, и тут же начинает дремать. Входит два работника со скотом, скотомальского пушка; приходит уздечка, «шары-шары» — тот Танас, склонный к горе-настый, невысокий человек в рубашке хаки, с черными толстыми усиами и румяными щеками. За ним входит женщина с ребенком на руках. На женщине длинный «чигидек»; она первительно жмется в дверях, но любопытство берет верх; она входит, садится в дальнем углу, указывая ребенку, и глядит во все глаза на гудящую динамо. Еще позже появляется зев, почтовый конторщик, худой сумрачный и молчаливый человек. Постепенно церковь наполняется. В темноте слышны широкие шаги, скрип досок, сгибавшихся под тяжестью садящихся.

Дверь на паперь раскрыта настежь и оттуда вылетают брызги и, и холодный ветер. Колокол звонит второй раз, потом третий. Малышев пытается кричать в темноту: «теперь он грохот запереть двери и не выпускать опоздавших!»

Начинай! — раздаются нетерпеливые голоса: — Спать надо!

— Дождь, — говорят спящие, — вздыхают кто-то из заготовителей.

— Покосы гниют... скотину пореизбили. У кого линзы коровы — кулачок, неожиданно бургут занюхом и сердито дуют из забищущие руки.

— Скота мало, правда, — соглашается второй заготовитель, низенький смуглый до черноты обрат в старой фуражке с высокой тулей. В темноте сверкают его зорьбы в узмбоке и эта узмбока раздражает занюх.

— Жизнь принцип: письма только в тюрьму и из тюрьмы, — говорит он и косится в сторону Ташимпирова. Но тут не спешит; он стоит возле «киномашинерии» и с интес-

ресом наблюдает за ворзей Папакова и Машеву. Ден, который за даровой пропуск выполнил все необходимые работы, обежал всю площадь. Он возвращается и громко сообщает:

— У Авдотьи Ивановны жарят мясо и просили подождать для часа.

Авдотья Ивановна — жена завоинчика, та самая, которая любит петь под гитару. Сам завоинчика уже похоронил.

— Скотину порезали, у самого мяса жарят, — шепчет заготовитель в фуршаке таракару и качает головой.

Машевша оглядывается — «брательный зал» и, посоветовавшись с Папаковым, решает начать.

Опять гудят динамки, вспыхивает гудящий свет и на несторе экране появляется надпись: «Октябрь, часть вторая».

Первая часть шла вчера. Старые, испрепаные по всем экранам российским и сибирским кадры медленно ползут перед удивленными зрителями. Медленно расходятся тяжелые мосты на Неве; собираются тревожные толпы, шевелятся пулеметы на краинах.

Ден усердно крутит динамику; слышно, как он пыхтит винзу, Тимоха. Сквозь открытыми двери на экран загадывают звезды. Дядя перестал.

— Большие дамы, крекине, — слышен опять голос заготовителя в высокой фуршаке.

— А у нас песни поставить не умеют, — отвечает кто-то. Заготовитель сердито шипит: голос у него умоляет.

Вздрагивают граненые рулины пудеметов, падают в сторону пустые ленты. Толпы на плацдармах рассыпаются, падают, ползут по тротуарам, оставляя кровавые следы. Вот человек бежит и вдруг подпрыгнула и опрокинулась; девушки в белой кофточке ползут по земле, волоча простреленную ногу; обезумевшие от ужаса люди ломятся, стучатся в запертые ворота, калитки, лезут через заборы — ильинские дни.

Что-то случилось опять с проекционным фонarem. Папаков громким шепотом приказывает Дену продолжать крутить динамику, опять зажигается лампа и начинается осмотр.

Зрители окружают со всех сторон «кино» манинерию, заглядывают на светящийся диск, шупают бабинцы и помогают съевшим.

Тащиши Тальцева в зал для заседаний в Улагане. Сюда его назначили председателем аймаксполкома из Узала, похожим как весь руководящий состав замка кроме Таштимирова был снят за перегибы во время «большой» коллективизации. Работу ему и секретаря райкома приходится начинать заново. Поочередно они облезжают аймак, распутывают тот клубок, который наверстали перегибчики. Трудная работа — исправлять ошибки, пробовать стену недоверия, оправдания, запутанности.

При этом Тальцева учит на разбор деда о неправильной расквартировке разного имущества. Ему приходится быть и судьей, и представителем колхозсома, и финанс-инспектором, инструктором по строительству, и всем, чем потребуется. Комиссия для приемки никода не поступает.

Тот сегодня утром приехал женщина из дальнего уроцши, из-под Чибита. Кто-то ее направил в Узаган. Два дня она ехала, держа одной рукой грудного ребенка, а другой — пакет. Председатель видел, как она спасла юного из рук смерти. Женщина остановилась, направила в аймак. Женщину звали Темеш Тальцева; она была молодая, румяна и очень грациозна. Подойдя к столу председателя, она заявила, что приехала за своей коровкой.

Зимой ее мужа арестовали за то, что он хотел ити в колхоз, и забрали единственную корову. Муж сидел в Кош-Агаче, недавно его выпустили, но он лежит больной. Он сказал, что есть закон, чтобы возместить потерю. Женщина показала свою коровку, она может покинуть прием. Темеш говорит и указывает рукой ребенка. Тогда Тальцев выслушал ее рассказ и начинает расспрашивать. Оказывается, что уроженце относится к Чибиту. Он объясняет женщине, что она поехала на туда куда нужно, ей нужно в Чибит. Темеш отрицательно качает головой. Нет, ей нужна корова, у коровы да пятна на спине, она совсем черная.

Хорошо, но ведь та кош-агаченского селения, а здесь Узаган, — возражает председатель.

Женщина трясет головой: ее блестящие глаза с детским любопытством отглядывают стены, плакаты, чернильницы; эти глаза становятся жалобными; женщина показывает за ребенка и продолжает настаивать: отдай корову.

Председатель тоже молод, он теряет терпение и громко зовет секретаря Машевшу. Машевша начинает объяснять слизнича. Он чертит на стене карандашом линии и показывает, где Чибит и где Узаган. Машевша набрасывает близко к женщине и тянет карандашом на юг: «онибэ сделала, наиза ехать надо».

Женщина стоит на своем. На шум приходит «шаромоком» Таштимирова.

Так стоит она три раза перед зицезкой. Наконец лицо ее мрачнит она оглядывается в трех нахмуренных взглядах, молниеподобно вращается и идет назад. Чрез окно председатель видит, как она указывает ребенка на землю, прикрывая туловищем, а сама разводит костер и варит чай котелке. Председатель молод, ему хочется утешить женщину, ободрить, сказать, что Чибит ее должна вернуть корову, ее работа не ждет. Всего он — Тальцев, недавний курсант узалинского совпартшколы — теперь председатель целого аймака, где руководство сиюто за перегибы.

Сегодня как обычно тов. Тальцев засиделся в аймаксполкоме над спордами о посевах. Тускло горят лампы. Уже ночь. В комнате холодно; в окна стучит дождь. Председатель всегда 25 лет. У него круглое лицо, пурпурные щеки, веселые глаза и властелинские лоб и широкий нос. Но председатель кладет ковбойку, кепку и синие галофи. В аймаке тихо. Все расходились по домам. Тальцев чешет за ухом и, оставил цифры, смотрит в темноту. Темнота раскальвается голубым зигзагом и на мгновение видит мокрый плащ председателя с зазевавшимся лицом и засыпанными волосами на голове. Председатель почему-то вспоминает бледное лицо Темея и качает неодобрительно головой; в тайне теперь самая раз голову сломить. Председатель никак не может привыкнуть к этой гнетущей тишине, к звыванию ветра, к безлюдью. «Высоко засыпалася», усмехается он. Таштимиров говорит, что лошади из Чибита и Чолушинской долины не выдергиваются на узалинских высях — склоневают.

Лошади склоняются, я — не лошадь, выходит из дому.

Председатель тянуть лампу и выходит. В церкви слышно гудение. Тальцев тихо, на носках, пробирается между мешками с зерном, становится у стены и смотрит на зерно, на зерно, на зерно. Страшный, бледный человек парашют пальцами воздых и никак не может упасть. Девушка в белой блузке ползет по земле и не может упасть от пулемета. Папаков и Машевша воят над фонарем и ильинский расстрел вот уже десять минут неподвижно застыл перед узалинцами. Завинтовчатый громко плюет и идет к выходу. У дверей он говорит:

— Если не умеешь, не берите денег, — и уходит.

— Вот блюют, — вздыхает заготовитель, — хуже, чем скот...

— При царе, должно быть...

Председатель оглядывается: он взял узалинские башенные горные лады израильской присяжей; он отдастся от стены и начинает говорить. Он обсыпает невидимым во мраке слушателей, как произошла революция, как подготовили большевиков в Петрограде рабочих к борьбе за власть и мир. Он говорит; голос его становится громче; он идет к экрану и тщет пальцем в застывшие, окровавленные фигуры:

— Вот как поступали с нами в 1917 году!

Опять гудят динамки. Малькает. Смольянин, рабочие караулы, военная секция Пегровского, мелькают министры, генералы из ставки, аппаратчики. Зименко и наконец сидят на троне. Громко, громко, громко — грудь. Керенский размазывает над признаком о смертной казни: подписать или нет? Речь пленки и «аэрохоровка» застыла в зеве разумы на пять минут: в Узагане медленно читят плакат.

Тальцев продолжает объяснять. На экране уже мчатся платформы Дикой динамики, пляшут ингушки, «Аэро» поднимает орудия к дворцу, ползут броненосцы с матросами и красной гвардией. Председатель слышит вздохи слушателей, но перед глазами него хмурое беспомощное молодое лицо Темея Тальцева, в котором ее недоверчивый взгляд, изумленный и потрясенный светом, отражается в ее глазах, настороженных и внимательных. Тальцев говорит горячо, ему хочется заразить всех своей верой, показать светлое будущее, которое скоро настанет, обязательно настанет, несмотря на ошибки, темноту и бедность.

— Мы построим дороги, города, хорошие дома; все будут жить в домах, будут учиться, будут работать — тогда настанет хорошая жизнь! — кричит он зрителям.

Он сам видит теперь, что Узаган вовсе не пуст, что работают можно и нужно, ему даже кажется, что глаза Темея перестают хмуриться и смотрят с доверием. Тальцев взбирается на кул с зерном и оттуда продолжает рассказ об Октябре.

Кто-то вздыхает в ухо, кто-то пробирается вперед, чтобы лучше слышать. Помочь. Пустынные высоты Узала, Таймыра, вспоминаются на сотни километров. Дядя и ветер. Гулит громкая динамика. Ден — аймачинский исполнитель — добросовестно зарабатывает право на даровой пропуск.

Содержание еще в Узагане и шамана.

Приготовиться по-штормовому

Б. Белогорский

Приготовьтесь:

Командование предоставляет удачный случай испытать корабли и личный состав в условиях сильного черноморского ветра. И действительно, не успели заплыть в стеках бинокля. Интернациональная пристань в Приморский бульвар, усаженные провокационными волами, стали скрещиваться через палубу миногами. Волны, достигнув четырех баллов, «Незаможни» и «Шахтер» начали переваливаться с борта на борт, но не с тяжелой неуклюжестью купцов, а как-то непринужденно и даже грациозно.

Отряд шел восемнадцатизначным, экономическим ходом, выполняя одно из заданий Реввоенсовета: сочтет точность кампания плана с максимальной бережливостью в расходовании топлива. Умение беречь нефть и уголь — лишишь корысть в бою.

*

На горизонте ни облака. Точно прошлись по морю метлой и начисто вымыли. Всюду, куда хватает взгляда, видна пена от волн, сплошь бушующая. Кашка успокаивается. Она дает себя знать не только на юркях эсминцах, но и на солидной флагманской «Червоной Украине». С непривычки трудно сблюдать равновесие на скользкой палубе. Приходится проделывать самое настоещее балансирование на цепко деркающейся за противную борту скользкой тряске и... тайно запыхливаясь, крадущимися, передвигающимися дрожью и скрючившись.

Кашка, дождь, председательские боковые короткие волны — все это не отражается на четкости работы. Плавучая команда работает по циклолотке в воде под стремительными ударами ветра. Беспрерывно трещит телефон и вахтенный еле успевает принимать и передавать приказания. Бистро поддается ощущению беспредельности. Каждом абсолютной темноты и только впереди тануют, то подымаясь, то падая вниз, сигнальные огоньки «Шаумина» и «Червоной».

И вдруг резкий, продолжительный сигналный звонок. За nim короткие и снова продолжительные. Секунда — и хрипловатые вззятки боеманской дудки смениются криком.

Боевая тревога! Пробуждая тяжелый сон, корабль в кратчайший срок, должен приготовиться к отражению врага. Все стремительно кидается на заранее приготовленные места, чтобы по команде привести в действие орудия, пулеметы, торпедные аппараты. Ни одной минуты промедления. Надо налити в маску, отточить взгляд, напрочь изгладить. Морской

Краснофлотцы в Афинах.

боевой короток. Упустишь момент, прозеваш — враг использует промахи и на несет молниеносный сокрушительный удар. Итак, впервые наше пришло участвовать в боевом тревоге 3 октября, в 2 часа утра. В течение полутора часов были задраны все наладки. Не было времени на медлительные манипуляции. Командирская машина должна проникнуть наружу, иначе непринятый подиум мишень для пристрелки и ориентировки. В течение следующей полуторы минуты из командирских кают, кубриков, кашцелии и лазаретов выбежали, вернее не выбежали, а вывалились, бойцы. В черноте моргли рассыпались краснофлотцы по своим местам.

Все было в первоначальном обронении чехов. Тяжелые вороненые дула с необыкновенной подвижностью поворачиваются по приказанию с мостика. Неуклюжие с видом горделивых аппаратов готовы извергнуть из своего чрева нацистские смеяться сигары. Уши радиостанций синхронно с трюмами. Весь корабль с его неисчислимым количеством механизмов спружинил, подчинил едином воле.

Ложь превратился в линь. С краснофлотским спасением вода текет уже не струями, а целыми ручьями. Колющие брызги бьют в глаза, но никто не обращает на это внимания. Каждое мгновение можно ожидать атаки.

Надо предупредить врага, взять в свои руки инициативу.

В момент наивысшего напряжения новый сигнал:

Головая атака!

Противогазы под руку у каждого. Ночью во время сна они висят в изголовьях краснофлотцев. Стоят протянуты руки, чтобы схватить привычную сумку, распечатать ее и натянуть маску, защищающую от губительного газа. Техника обработки с маской, с притянутым костюмом довольно

сложна. Здесь командование особенно настичко требует от каждого бойца безкорыстной четкости и чрезвычайной быстроты.

Хорошо в будущих столкновениях будет играть одну в решавших ролях. С каждым годом совершенствуются отравляющие вещества. Газы, шаревые пущенные немцами на восточном фронте во время мировой войны, кажутся жалким инъектальным табаком по сравнению с теми, что имеются сейчас в распоряжении английских или французских лабораторий. Газовая атака в будущем станет самой поражающей территорией. Если заранее не подготовиться к ней, если не застать защитными средствами, целые войсковые соединения (то же относится и к кораблю) окажутся совершенно беспомощны, вернее просто будут выведены из строя и уничижены в кратчайшие сроки!

Все возвращаются в облегченном. Орудия возвращаются в исходное положение. Полоска света неуверенно и робко скользит в щельку двери, ведущей в кают-компанию. Завинчиваются люки. Опасность миновала. Можно поспать часок-другой, чутко вслушиваясь в тишину...

За воротником боевые тревоги устраивались по нескольку раз в сутки. При всей своей условности они дали возможность великолепно проверить корабли и краснофлотцев во всех областях военно-морской подготовки. Проверка показала, что летняя учеба прошла даром, что краснофлотцы вышли на высокий уровень, хорошо усваивают команду. Выросла уверенность в успешном окончании похода.

*

Командиры — на три четверти комсомольцы. Партийно-комсомольская прослойка превышает 55 процентов. Комсомольцы ежедневно дают блестящие образцы дисциплины, самоотверженности, подлинного героязма, тем более ценного, что он проявляется в «бuddиничной», «текущей» обстановке.

Три четверти сверхсрочников этого года — комсомольцы. Передовики в ударном движении и сопровождении — комсомольцы.

Перед выходом в плавание на «Незаможник» заснули на вахте комсомолец-машинист.

Исклонительный, небывалый случай! Команда была взорвана, потоплена. Без всякого насилия смерку создавало летучее собрание машинистов, на котором комсомольцы резко klebimy винтовки, требовали для него строгого взыскания и тут же постановили:

Краснофлотцы осматривают равнину Древнего Греческого Афин.

— Взять на общественный буксир до тех пор, пока не исправится...

Можно привести сотни и тысячи примеров, когда комсомольцы выносят на своих плечах ответственные задания в исключительно трудных условиях, шторма, непогоды. Многие имеют по 10, 20, 30 благодарностей от командования.

Немецкие захватчики, сделав их сподвижниками для пропаганды всех антифашистских империалистических лодок, подводных лодок, 16 транспортов, 2 подводных лодок, 8 миноносцев, 6 истребителей и т. д., чтобы представить себе, какие естественные выгоды дают проливы для защищавших.

Немцы, конечно, ошиблись, сделав их сподвижниками для пропаганды всех антифашистских империалистических лодок, подводных лодок, 16 транспортов, 2 подводных лодок, 8 миноносцев, 6 истребителей и т. д., чтобы представить себе, какие естественные выгоды дают проливы для защищавших.

Немцы, конечно, ошиблись, сделав их сподвижниками для пропаганды всех антифашистских империалистических лодок, подводных лодок, 16 транспортов, 2 подводных лодок, 8 миноносцев, 6 истребителей и т. д., чтобы представить себе, какие естественные выгоды дают проливы для защищавших.

Немцы, конечно, ошиблись, сделав их сподвижниками для пропаганды всех антифашистских империалистических лодок, подводных лодок, 16 транспортов, 2 подводных лодок, 8 миноносцев, 6 истребителей и т. д., чтобы представить себе, какие естественные выгоды дают проливы для защищавших.

Совсем недавно в румынских водах тренировались наши корабли, а сейчас они тренируются в греческих водах, весьма сходных по навигационным и климатическим условиям с черноморскими. Для англичан это порядок вещей. Но стоило нашему отряду выйти в учебное плавание, как воротил нас сразу была создана хитрая паутинка лжи. Мы еще не успели притти в Стамбул, как французская печать сообщила о крушении кораблей, происшедшем в Пире и взрыве приподнявшихся эсминцев. Наш морской аттаке в Турции показывали нам эти газеты, и они давали краснодроздатам несколько веселых минут.

Так вот он, Босфор!

Славя нефтяные склады. Длинные и светлые ангары. Тихо покачивается на воде легкорыбная стрекоза—гидроплан. Справа цветущий город-сад. Медленно плывут дома Терапии, излюбленного дачного места константинопольских буржуазии. Насупившая гладь напоминает старинной генуэзской крепости. Сохранилась лишь стена две исполнских башни.

Отряд приобретает все эти. По дороже берем на борт представителей советского консульства и прикомандированного к нам офицера Рефуб-Бахе. Каменные ящики на берегу становятся все выше. Виднеются трамваи, первое, целые трамвайные поезда из трех вагончиков. Поровнявшись с мраморным дворцом Долма-Бахе, летней резиденцией Кемаля—последним.

Борьба «Черной Украины» окончена: дымом: первый за время похода салют. В ответ несутся выстрелы с береговой турецкой батареи.

Грохочут якорные цепи. Корабли становятся против дворца. Мы в Турции. Первый, правда самый маленький, этап похода закончен.

Грохочут якорные цепи. Корабли становятся против дворца. Мы в Турции. Первый, правда самый маленький, этап похода закончен.

Сверху — английский морской офицер пришел осмотреть советское судно.

Внизу — наши краснофлотцы в Турции.

ОСТРОВ КЕНАФ

Окончание. Начало см. на 12 стр.

Четвертый день. Десяносто пятый! Завтра последний день. Остаток прорыва велик. Слишком мал срок. Перекрыть работу дезертиром — пустяк. Но за одно завтра не спряться с кенапом. А школа ждет. И колхоз ведь знает, что комсомол сказал: поле кенапа за нами.

И комсомол остается на поле битвы до конца.

Темы — явление заразительное. С колхозом Сахалина они перекинулись на хлопок и табак. 10 и 17 brigadii вступили в бой, подтянулись на сафлоре, ударили заканчивая семеноборку.

Мозговая колхоза шагала в ногу: ходила за пропагандистами, очумелыми подлецами, колхоз, таскала тяжую воду лес... Колхоз строился. Колхоз не сдержал обещания. Учителя не было и не предвиделось. Это тоже был прорыв, но ликвидирован в его торопливости.

К полудню шестого дня работа на кенапе прекратилась. Восемьдесят девять комсомольцев в полном боевом порядке перешли на новые позиции — учебу. Фронт был один: кенап, хлеб, хлопок, учеба, строительство, культура... Враг был один в тысяче лиц: баф, кулац, дезертир, предательство, религи...

Колхозники вынесли торжественное решение: «Напричь все усилия. Перевести все производственные силы на строительство. Провести это под знаком развернутого социалистического соревнования между всеми колхозами республики. Дать советской промышленности советское сырье».

Баг отступал по всей линии техкультур. Но отступая, он уходил на заранее подготовленные позиции. Он пробовал отыграться на хлебо-мисо-шерстесаготовках. Уже позади, шуршали и катились, как спящий ком, ядовитые слухи.

Десяносто товарищ — узбек Тюртем — присоединился к своим на колхозной базе, где окидали отъезжающих дланями бричечи. Он качался от слабости, потому что яд каракурда еще жил в его крови. Но яд каракурда трех сажущих на сте не убивает.

И Тюртем, пытаясь вынуть из себя последние нетрудовые часы, что он лежал между жизнью и смертью, или верней между жизнью семьи и тремя процентами. В обеденный перерыв и время вечернего отдыха счастливцы из неграмотного молодняка учили от Тюртема восемь букв «янилафа» — нового алфавита, знаменитой «ятычины», восемь букв, которые складывались ими газеты «Энебекчи каззак».

★

Восемь дней спустя начался культпоход. Комсомол Казахстана шел в авантгарде. Бригаде Тюртема выпал район, где Тюртем, укуренный каракурдом, дал первые уроки «янилафа».

Выписал ли ты

„Смену“

на

1931 год?

За время прежних походов не было ни одного недостойного советского морского поступка на берегу. Даже враждебная нам буржуазия печать вынуждена была признать это.

Можно ли после всего этого сомневаться в блестящем завершении плавания?

★

Мы у входа в Босфор.

Договор, навязанный Турции победителями-союзниками, заставил нейтрализовать проливы, срыть форты. Угрюмо чернеют взорванные скалы. Развороченные холмы враждебного города вспаханы землей.

Еще Мольте называл проливы непроницаемыми из-за условий их укрепления и снажения сильными оборонительными средствами. Стоит вспомнить неудачи царского флота в его попытках форсировать Босфор, стоит вспомнить крах дарданелльской авантюры англо-французов, обошедшийся в

на снимках:

Сверху — английский морской офицер пришел осмотреть советское судно.
Внизу — наши краснофлотцы в Турции.

ЧЕЛОВЕК И МАШИНА

Б. Туров

1

Взрыв динамитного заряда убий Коренкова. Тело его собрали по кусочкам и кучей окровавленного месива подняли наверх в байды.

С утра в черный колодец шахты спустились рабочие. Несмотря на непогоду, одетые скромно рабочими, высокие сапоги и широкочные колготки штаны, с кожаной панамой на голове. На две проходки они просвердили дыры и к обеду поднялись наверх. Там их ждал запальщик Коренков. Нервный и побледневший влез он в байды, и скоро его шляпа скрылась в темном квадрате ствола.

Наверху все затихли, прислушиваясь. Со дна каменного колодца доносится глухой крик:

— «Айай..!.. реф!

Догадываясь, запальщик:

— Эй, давай, поддлестывай! Знорали коногоны, свирепо нахальственная лошадь, засуетился техник. Лошади рванули, и корт с намотанными на нем канатами быстро завертелся. Байды вылетела как подброшенная, но человека в ней не было. Внизу одна за другим пробукали взрывы, полетели камни и из дырки медленно, по полю воинички дым. Взорвалось 15 динамитных патронов. Когда спустились вниз, нашли только обрывки тканей, смешанные с камнем куски мяса.

Коренкова заменил запальщик Дегтирев — коренастый парень, веселый бубосклад. Но и он, когда лезет на дно проходки, заихает и бледнеет. Там внизу, на дне каменного колодца, задыхалась в дыму и копоти мангала, перергигивая из угла в угол как ловкий акробат, в несколько секунд поджигает он 15—20 динамитных патронов и дает сигнал для взрыва. А дальше? Байды боятся отрываться от дна и лежат вверх, он чувствует себя как на пороховом потрясе, который вот-вот взорвется. Малейшая случайность наверху: канат скосчит с ворота, склоняется лошадь и байды повиснут на подлогре—человека забрасывает камнями, оглушил его, искалечит. Но Дегтирев ездит вниз и упорно делает свое дело. Он — ударник.

На проходке Аютинской шахты с десятников Максимов спустился вниз, чтобы: надо было подложить бурый на дне проходки. Опустившись вниз, Максимов с получными заложниками в дырки динамитные патроны, подложил их и, дав сигнал к подъему, вскочили в байды. Наверху дружно рванули лошади, байды подскочила, ударила о стекло, наскривившись вправо, и Максимов с огромной высоты упал около смертоносных зарядов.

Человек переживал жуткие минуты. Вокруг него вспыхивали языки пламени, заряды. Страх смерти холодными иголками растекся по его телу, гнал сердце беспечными толпами. Но Максимов не растерялся. Он подскочил к фитильям и, сквозь от ожогов, выдернул 12 ближних патронов, потом отскочил в дальний угол и прикрылся досками, которые случайно здесь оказались.

Взорвалось 9 буром. Наверху поднялась тревога. О смерти десятника сообщили семье, но, когда спустилась вниз спасательная команда, ее перепугал сердитый оклик со дна:

— Почему вы, черти, так долго спускаетесь? Я весь промок...

II

Это было год назад. Теперь запальщик не бледнеет и не первиняет. Напевая игривую мелодию, Дегтирев сверху вкладывает рубильник, а на дне проходки, одна за друг-

гой, рвутся бурки. Геройские подвиги запальщиков заменила машина. Не нужно рисковать жизнью, излинина волнения: просто — вперед! рубильника — и динамитные взрывы разлетаются.

Зажигание электричеством — один из многочисленных примеров облегчения категорического труда шахтеров машиной. Ни одна страна в мире, даже Америка, не знает таких темпов механизации и быстрого облегчения труда рабочих, как в Донбассе. Уже давно на многих, даже отсталых шахтах бассейна введено падение бурок электрическим.

Врубовка и отбойный молоток вытесняют забошка с обушком, а скрепер и конвейер — труда саночника.

Механизировать Донбасс — это основной задачей, стоящей перед рабочими. Основная задача пролетариев всей страны. На осуществление залоги партии — «превратить страну в подлинно большевистский Донбасс с несокрушимо механизированным базисом» подились десятки тысяч доблестных шахтеров. Изюм дн в день повышается механизированная добыча. Донбасс на верном пути.

Но не спят и враги. Классовая борьба, широко развернувшаяся в нашей стране, нащем яркое выражение здешь, на важнейшей участке национального хозяйства. Она проявляется в борьбе наемных рабочих с рабочими, наемных гильзаков, рабочими конвейеристской рукой. И лишь после того, как с этой шахты уводили 300 ящиков нуджих людей, предательство прекратилось. Отсюда первый вывод, который должен крепко запомнить каждый донецкий пролетариат: надо повысить классовую бдительность вокруг механизации Донбасса.

Кроме предателя у машины есть еще много других врагов: техническая коснота штейгеров и сила старой привычки у рабочих. Кадровый шахтер, проработавший на шахте десять лет, не может увидеть, что же сделано. Не тонущий, приходит в воду и, утонувши на бок, однозначно клюет: тух-тух-тук!. Чрез подсаха он вылезает в штрек и закуривает (если шахта не газовая) или забывается анекдотами. Машина, которая ушла пришла во многих шахтах, ложат старые навыки и медленный темп работы шахтеров. Рабочий не сразу отказывается от старого, он сопротивляется темпам машины. Так вот, в конечном счете, основная проблема Донбасса — человек и машина. Эта болезнь проблемы разбивается на целый ряд второстепенных вопросов: правильная расстановка машин под землей и полное их использование, организация труда в машинных лавах и подголовниках шахтеров-механиков. Проблема эта весьма сложная, но от нее не отвертесь.

Каждый рабочий разрешает эту проблему по-своему. Старые шахтеры скоро перelaивают свои навыки и становятся энтузиастами машин. Сотни таких, переходящих на врубовку, на отбойные молотки мы видели в первые годы жизни Донбасса. Но есть и другие, которые сторонятся машин: Вот пришли: механизированная лава шахты «Валентиновка» дает ежедневно 26-30 вагончиков. Лава № 18 с ручной зарубкой и при том же количестве шахтеров — 60-70 вагончиков. На этой почве гуляет теория о том, что механизация — неизгладима. На этой же шахте техники не научились свинчивать конвейер креплениями, и он поминутно ломается, срывая добчу, и неделя, когда не ломается, — это время, в течение которого машины, перешедшие работать на конвой, с 3 руб. кол. до 2 руб. 60 коп. группируются на старых, любящих шахту рабочих, дове-

страна требует сотни тысяч тонн угля. Однако в этом году некоторые шахты систематически не выполняли свой промфинплан. В шахтах еще существуют рабочие темпы труда, уголь добывается архаическими способами. Поэтому выдвиженный партией лозунг — МЕХАНИЗАЦИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ — ОЗНАЧАЕТ ПОВОРОТ К НОВЫМ ТЕМПАМ, СООТВЕТСТВУЮЩИМ БЫСТРО РАСТУЩЕЙ ИНДУСТРИИ СОЮЗА. НОМОСОМ, КОТОРЫЙ ВСЮДО ЯВЛЯЕТСЯ УДАРНОЙ БРИГАДОЙ, В ПОМОЩЬ ПАРТИИ ДОЛЖЕН ДВИНУТЬ СВОИ СИЛЫ НА УГОЛЬНЫЙ ФРОНТ, ВООРУНЬШИЕ СПОСОБОМ МЕХАНИЗМАМИ.

денных до бешенства венчими поломками конвейера, потребовала убрать его из лавы. В шахту приходил много людей из села. Утром Артель рабочих в аней Солдатенко бывшем из Проскурова спустилась в шахту, подошли к забою. Штейнер пробежал по ходу и, ткнув рукой в темноту, сказал:

— Эй, вы! Вот там ставь ролик, за углом блок, а здесь упоры.

Постоял несколько минут и ушел. Скреперщики выругались заковыристо, надсадно — они не знали точного расположения ленты и не могли ее найти.

А дальше: упоры забиты кирко, ролики не по прямой линии, проход узок для машин. Когда заработала лебедка, подтягивая скрепер, нагруженный углем, он углом зацепил стойки, сбид их и сорвал настя. По шахте прокатился зловещий гул обвала. В облаках едкой пыли, затыкающей нос, гортынь, в сплющенных потеками шахтеры отскочили вправо, влево, от ужаса грохота, прижалась к стекам забоя. Над головами угрожающе трещал потолок.

Услышав гул, прибежали соседние рабочие. Через пять минут, когда осени облака угольной пыли, из глубины завала донесся крик:

— Эй, эге-эй!. Сюда!..

Шахтеры радостно загалдели:

— Ну как там? Все живы? Ковырай!

На картах шахт показаны бледные, покрытые кровью люди. Они закурили, успокоились и через час полезли очищать забой: забили новую крепь, исправили путь и начали выдавливать уголь.

Солдатенко, сдав вышлюз из обвала, безжизненным мешком привалился к стене штreta, утирая кручиной пот на бескровно белом лице. Наконец он встал, взял лампичку и почкашивая, поборол к стволу.

— На кузове — кузову — я буду след.

— Борис под землей. Не хочу.

Ушел. Всю расчет машину под землей запомнилась черным страшным чудовищем. И он покинул шахту, ненавидя машину.

III

Только теперь по-настоящему, во всю ширь, поставлена проблема мобилизации людской энергии на осуществление плана великих работ. Для этого мы переделываем индивидуальную психику, ибо, как подчеркнул Ленин, «капитализм мал и душит таланты тысячиами, он делает или раба, или господина» и только «социализм создает условия для разворота соревнования в действительно массовом масштабе».

Механизация — **план** **ударников** — вот крепкий камень в баснословно разваливающийся с каждым днем Родина ударных бригад в Донбассе — Ровенки. На многих шахтах этого района они задают темпы всем процессам. Вот шахта № 17. Здесь работают две сквозных подземных коммуны. Ценность их в том, что, создав коллективную ответственность и взаимный контроль на работе, они переделывают индивидуалист-

ическую психику людей, пробуждая чувство хозяйственной заботливости.

Своим возникновением сквозные коммуны разрешили проблему технического надзора.

Сквозные охватывают непрерывной цепью ударников все процессы под землей, начиная от забоя, от врубовой машины и кончая стволом, не давая ни на минуту ослабнуть темпам. Вот почему эти коммуны задавну им производительность выполняют на 100 и более процентов. Программа инфиланга, по которой производительность каждого коммунара повышена на 35 проц., а нормы добровольно подняты на 20 проц.

Ударники — носители новых темпов и на Лидинке: они дают рекорды механизированной добычи. На Лидинской шахте все знают четырех лучших ударников: Балабанов, Давыдов, Карпов и Савченко.

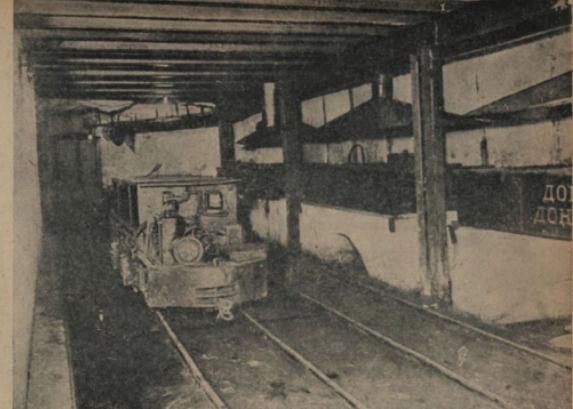
Третья механизированная коммунистическая команда — месца — тоже не поддается за смену не больше 120 вагончиков углы. Соуда присяга Давыдов — демобилизованный красноармеец, и за полмесяца так наладил работу с бригадой, что уже через несколько дней суточная выдача углы поднялась до 150, 170 и 200 вагончиков. 16 октября лава выдала 213 вагончиков углы — самую высокую цифру за время существования сквозной коммуны. Причем несколько сот мобилизованных комсомольцев — Давыдов, первый из них, не побоялся обуться в восемь новичков. Целый месяц возился он с ними: будил к смене, разыскивал спецодежду, часто отдавая им свою чучу, а сам работал босой, разыскивая пропавшие урпаки. Теперь все восемь новичков самостоятельно работают забойщиками. В день торжествия победы горняков Давыдов от ВУЗа подняла грамоту и жетон с надписью: «Лидинка — ударников».

Комсомолец Балабанов на этой шахте работает 9 лет. Начал он с уборщика породы, потом был грузчиком, коногоном, а сейчас бригадир сквозной бригады. За короткое время бригада подняла производительность — раньше программа участка выполнялась на 40 проц., теперь на 95. На днях Балабанов уезжает в Германию изучать работу шахт.

В шахтах из основных места — забой и движение. Если пахо-обращаются вагончики — нет добчики, ибо уголь лежит в забое и машина не может подрудить угольный пласт. На Лидинке так бывает часто. И вот коногон Карпов, шахтер Барбико и др. коногоны однажды говорились во что бы то ни стало вывезти весь уголь с участка. Трудно было: вагончики бурялись, их загоняли в забой, вспыхивали, перекрывали мелкие возвратные вентиляции. Но ударники передавали тревогу с подземелья наружу, и там коногон шли к управляющему, кричали, стучали кулаком о стол — и вагончики находились. Ударники заставили техника отремонтировать пути и держать их в хорошем состоянии. И вот по-новому берут вагончики в 6-й западной лаве. Карпов выдает в день 35—40 вагончиков вместо прежних 25.

НА СНИМКАХ:

Сверху вниз: Депо электровозов Щербиновского рудника. Шахтеры. Ударники шахты № 9 в Луганске обсуждают план ликвидации про-

Бригада Савченко — самая лучшая бригада Донецкого конвейера. Четверо: Савченко, Малюков, Степаненко и Поплищук разбирают, переносят и собирают на новом месте сложную машину за четырьмя часами, а во всех других лавах по 7-9 часов. В чем секрет успеха?

Все четыре — энтузиасты. Желание помочь шахте, чувство ответственности за производство, стремление скорее встать на плечи к трудящимся — всем — все это подтолкнуло их к учебе, а потом поставило в первые ряды ударников.

Растут, растут шеренги новых шахт. Сотни и тысячи Балабановых и Давыдовских, овладевшие ленинским методом строительства — ударничеством, это они претворяют Донбасс в советский Рур.

IV

В Донбассе, как во всей нашей стране, старают бороться с новым. В бассейне есть сотни дряхлых, стареньких шахт (шахта № 5 Краснодонского шахтоуправления), где до сих пор шахтеры спускаются вниз по лестнице длиной в двести метров. И рядом с ними возводятся новые шахты, кирпичные гирлянды машин и спасенные гирляндами электрических отгей. Таков рудник им. Артема (гор. Шахты).

Вот два крайних полюса. Если поставить эти две шахты рядом — наш тринадцатилетний прогресс, достижение рабочего государства станут яркими и отчетливыми.

В 5 час. утра, когда еще темно и огни драматического театра горят в пустоте № 5 идут шахтеры. Синисток — и солнышко потопочут по лестнице вниз Хилья, она скрипит, словно жаждет на неподвижный груз, шатается над бездонной, кажется вот-вот обрушится увлекая на дно черного колодца сотни людей. Шахтеры спускаются вниз, потом копают, потом шагают по узким подземным ходкам. Путь так длинен и труден, что когда шахтер выходит в свой забой, с них ручьями хатится пот и груди вздрагивают как большие мехи.

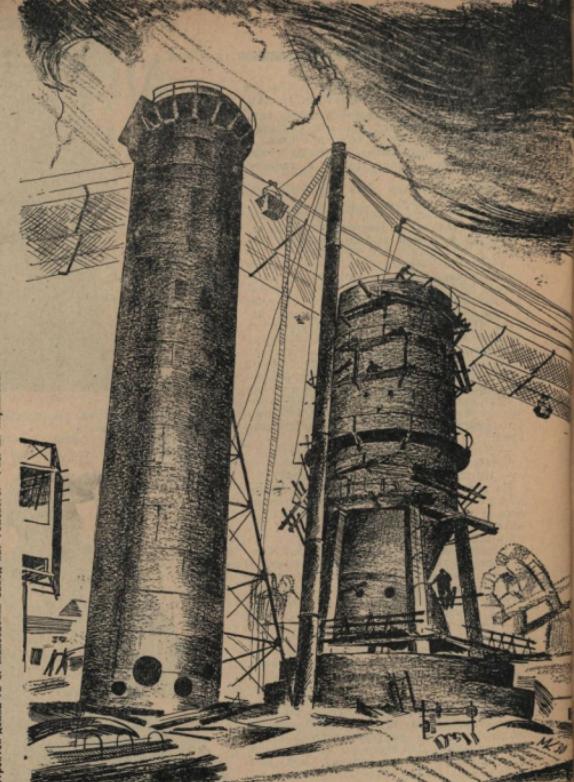
Забойники, лежа на боку, подбирали уголь, отбрасывали отвали и вот подходит к углу тягальщик (саночник). Он насыпывает уголь в деревянное корыто на салазках, потом становится на корточки, как лодыжка на четыре ноги, и, впряженный в лямку, уходит вперед, вперед, вперед, пока кирпичная глыба не тянет ее по узкому ходу грядущим сорок метров. Варварский труд! Вот он — человек вместо лодыши, вот он — человек в управке. Работа тягальщика, самая трудная. На ней люди надрывались, наживая болезни ног, суставов и грызу.

«Машина в сопровождении электричества приводится в движение в шахтах и заводах огромных размеров. Уже переключается, уничтожает долотоподобную технику. И вот Донбасс в таких, как будущий им. Артема — великий механизированный в бассейне. Здесь, как на большом заводе, под землей все пригнано, связано непрерывными потоками работы.

Около дна ствола — большая сигнальная станция Комитата, а в ней большой шкаф с рядом рычажков и разноцветных лампочек. Перед ними сидит человек. Это подземный стоячий конвейер шахты. По всем ходам в 5-6 м в одностороннем движении с разных сторон разбежались брудеры. На них бегут одноглавые электровозы с хвостом вагонеток. На подземных разминовках мигают красные и синие огоньки — семафоры путевых станций и депо. Человек на центральной станции, как командир с капитанским мостиком, по вспышкам лампочек регулирует брудер по звукум на закоулках шахты.

Этот механизм дает до забоя. Шахтеры тянут долгими членами лежачими и засыпают лицо крошки углем во время зарубки. В этой шахте нет ручной подрубки. З1 врубовая машина подрезает пласт угля, а рабочий как щебер прятит его, подправляя на ходу. Здесь нет людей-кидок. Из забоя уголь течет по длинным решеткам — желобам. Уголь таскает скрепер или

Строится домен № 5. Малеевский завод им. Токсово. Рис. М. Народова.

перерасывает конвейер. Вместо лошадей по крутым уклонам вагонетку тащут канаты. Терье на жижицы вручную, а зубья сита сортируются очищают уголь.

Переиздается весь сюжет Донбасса. Пять лет назад бассейн имел 5 проц. механизации. И сейчас в нем 64 проц. Но это только разбег. К концу пятилетки все процессы во всех шахтах надо механизировать. Сначала машины вообще, а теперь наши советские врубовки и конвейеры, ежедневно облегчают труда шахтеров, увеличивая их зарплату. Машины Донбасса на трудную дорогу плавности, машины дадут новые производственные рекорды. Великое торжество машин!

У Донбасса будет одет в броню механизация. Угольная пятилетка будет выполнена в 3 года. Задача этому — промышленное руководство — передана Донецкого бассейна. На механизацию Донбасса мы вышли с неподготовленной машинной базой. Горловской завод единственный выпускает в год 350 врубовых машин, а нужно 1000. Нет запод для производства машин для откатки. Мало запасных частей, большинство из них плохого качества.

Донбасс будет одет в броню механизации. Но почему поход за сплошной механизацией Донбасса надо начинать прежде всего с использования механизмов, с лучшей их расстановкой. Центральная задача всех организаций Донбасса — заставить врубовку и отбойный молоток уважать зарубку. Для этого надо все силы, все внимание бросить на организацию трудовых процессов под землей.

Механизм Донбасса из полный ход!

Сейчас много кричат о неиспользовании машины.

Несомненно, явление это нетерпимое. Однако страшнее не в этом. Корень зла в том, как наружу вывозят машины. Статистики считают, что из отбитых машин и врубовых машин Донбасса все же «используются», «используются» — какое это лакомство, ускользающее слово! А вот в Ровенецком шахтоуправлении нам официально заявили, что все врубовые машины шахтоуправления в среднем работают не более 2-3 часов, остальные не следят исполнительные, не заладят. Машинисты Донбасса на трудную дорогу плавности, машины дадут новые производственные рекорды. Великое торжество машин!

Вот почему поход за сплошной механизацией Донбасса надо начинать прежде всего с использования механизмов, с лучшей их расстановкой. Центральная задача всех организаций Донбасса — заставить врубовку и отбойный молоток уважать зарубку. Для этого надо все силы, все внимание бросить на организацию трудовых процессов под землей.

БЕЛЫЕ

Недавно в Нью-Йорке произошло событие, глубоко «стронувшее» негритянскую мелкую буржуазию. Империалистическое правительство САСШ, считая приближение войны и необходимость создать соответственное милитаристическое направление, решило дать возможность материам павших в Европе американских воинов посетить могилы их сыновей.

Большая группа белых женщин отправилась во Францию; их там фотографировали, как они сидят на скамейках, а затем, в Капиталистическая пресса на все лада расхваливала этих «смущенных матерей» за их «экспресс». Однако было решено послать матери-негритянок отдельно от белых. Мало того, они должны были ехать на пароходе, оборудованном с значительным меньшим комфортом, чем пароход, на котором белые женщины ехали за счет государства. 450 матерей убитых негров решительно выступили против этого маневра. 55 негритянок (из 21 различных штатов) обратились к президенту Гуверу с просьбой отказаться от деления на черных и белых матерей, которые они называли «оскорблением» негров. «Если это деление останется в силе, мы откажемся от поездки во Францию, как ни хочется нам посетить могилы своих сыновей», заявили они.

Что сделал Гувер? Нечего было ожидать, что это обращение тронет его чувство. Он засмеялся и заявил, что не случайно называет «Параска» своей в беседе с членами САСШ, несмотря на то, что против этого назначения протестовала крупнейшая негритянская мелкобуржуазная организация. Из 450 матерей всего 92 поехали во Францию. Эта демонстрация — здоровоый, хотя и недостаточный ответ на утешение негров как расы и как членов угнетенного класса на этом фашистском маневре.

В нью-йоркской городской думе был организован прием 92 матерей-негритянок.

Мортон, слушающий нью-йоркского магистрата, заявил: «Мы не будем принимать негров: «Пусть сердца ваши не ожесточатся от этого оскорбления, которое нанесло вам вашингтонское правительство». Мур, негр, член нью-йоркской городской думы, заявил: «Когда ваши сыновья шли во Францию, они знали, что борются за демократию. Но эта демократия продолжалась всего несколько дней, до возвращения «прославленного» воинства».

Военный министр Хэлли заявил, что его министерство чрезвычайно озабочено тем, чтобы «не нарушить нормальных отношений между белыми и черными участниками этого воинства».

Это событие чрезвычайно характерно для всего теперешнего положения. В южных штатах число личинений увеличивается. Всего несколько недель тому назад в Алабаме застрелили одного негра и толпа, под руководством мирового судьи, осадила его дом. Двум членам семьи удалосьбежать; губернатор штата Алабама назначил премию в размере 300 долларов за голову каждого из жертв и мертвого.

Негритянские массы все более ассоциируют, что различные организации находящиеся под мелкобуржуазным руководством, передают их. Огромное значение имеет поддержка компартии и революционной Лиги профсоюзного единства рабочих-негров.

После последней войны ощущалась недостаток в дееспособной рабочей силе. Иммиграция фактически прекратилась и капиталисты северных штатов вовлекли в промышленность громадные массы негритянских рабочих, бедного крестьянства и сельхозрабочих из южных штатов. Сотни тысяч негров

И НЕГРЫ

И. Амтер

переселились в северные штаты. Негритянское население целых округов в южных штатах исчезло и в некоторых местах стал даже ощущаться недостаток дешевой рабочей силы. Шерифы (которым подчинены местные административные органы, полиция и судопроизводство) в некоторых штатах проводят политику промышленного задержания, это первое в истории Но суд Линча, неравнoprавное положение и вся сумма преследований и угнетения негров, называемая «джин-кроизом», толкали негров на переселение. Они были уверены, что найдут на севере работу. Поэтому применение суда Линча было сознательно ограничено, так как белые буржуазии признала необходимость известного «улучшения» положения негров раз она удастся их удержать на севере.

Цинично в это самое время экономический кризис, распространяющийся на все части САСШ, в том числе на юг, вызвал и там громадную безработицу. Многие негры, переселившиеся на север, вернулись в южные штаты. Чрезмерное предложение рабочей силы позволило компании Мюррей в Мемфисе (штат Теннесси), которая делает шасси для заводов Форда, уволить белых рабочих, получавших от 4—5 долларов. Такие примеров хищнической эксплуатации негров множество.

Таким образом положение негритянских масс, и без того очень сильно затронутое кризисом, еще более ухудшилось. Все же, как правило, предприниматели предпочитают увольнять негров и нанимать вместо них белых. В этих условиях компании в белые профсоюзы начали организовывать рабочих-негров. Это было в южных штатах и в районах фабрик, так как Американская федерация труда или совсем не принимала негров в свою организацию, или подчинила их белому руководству и в профсоюзной жизни отделяла их от белых рабочих. Теперь же белые рабочие и негры начинают плясать к плечу борьбы против общего врага. Белые рабочие защищают негров, работающих в качестве организаторов компартии и революционных союзов; негры защищают белых организаций от фашистов и их наемников.

Это вызвало в правительстве южных штатов и у фабрических капиталистов страшное раздражение и привело к возрождению «законов о возмущении». Шесть коммунистов из Атланты грозят электрический стул за то, что они организовали негров. Другой товарищ был арестован в Балтиморе за то, что он выступал на негритянском собрании.

Различные мелкобуржуазные негритянские организации (Союз содействия цветным, Урбанистические союзы и движения, называемые гарпизмом) показали во времена этого кризиса свое подлинное лицо. Мелкие буржуазии, члены первой из вышеупомянутых организаций, были до крайности потрясены тем, что Гувер не присягал, как это обычно делалось, приветствия годичному съезду этой организации, состоявшемуся в Спрингфилде. Секретарь этой организации Уолтер Уайлз следующим образом обосновал свое неподобающее позицию: «Мы требуем только, чтобы негров было обеспечено право жалобы и протеста не как неграм, а как гражданам нашего общего отечества... Насильственные методы более гибельны для тех, кто их применяет, чем для тех, против кого они применяются». Таким языком говорит эта мелкобуржуазная негритянская организация в тот момент, когда угнетение негров стало сильнее, чем когда бы то ни было, и усиливается применение суда Линча.

Коммунистическая партия САСШ усиливает борьбу с личинением негров. Вместе с негритянским рабочим конгрессом американская компартия создала в ноябре конференции протеста против личинения. Негритянский рабочий конгресс провел «неделю протesta против личинения», выпустив конференции воззвание, в котором указывает, что только за последние 10 лет САСШ было приговорено суду Линча 32 негра. Почти всегда толпа, расправившаяся с неграми, находилась под руководством предпринимателей или получала от них инструкции.

На СНИМКАХ: наверху — тов. Герберт Ньютон, редактор негритянского рабочего журнала «Либератор», один из шести арестованных негров, которым грозит смертная казнь за организацию обединенного союза белых и негритянских рабочих; внизу — личинение негра.

МАГНИТОСТРОЙ

Строительство металлургиганта идет небывалыми темпами. Закончены стройкой фундаменты 2-х домен. Быстро строится электростанция, которая будет самой мощной в СССР. На месте, где год тому назад ничего не было, вырастает огромный, величайший в мире металлический гигант. Все это достигается путем соцсоревнования, ударничества, в которых принимает участие огромное большинство рабочих и инженеров.

НА СНИМКЕ: Магнитострой ночью.

Какова же позиция социал-фашистов? Норман Томас, кандидат социалистической партии в президенты, произносил на юге громадное количество предвыборных речей, но не говорил ни о одном негритянском собрании. Рандольф, секретарь союза проводников спальных вагонов (проводники ищут рабочих и негров) из руководящих членов социалистической партии, предложил проводников и их борьбу за зарплату и согласился в конце-концов на присоединение этого профсоюза с весьма урезанными правами к АФТ.

Ежемесячный журнал Томаса «Уорд тумору» («Мир завтра») пишет: «Проповеди реальности и воспитание должны продолжаться, несмотря на переход против таких предрасудков». Такова позиция АФТ.

Предательство мелкобуржуазных негритянских вождей, молчанием планы Гарвея (движение «изад» в Африке), заключенное с Ку-Каукс-Кланом соглашение не выдвигать никакие требования в САЩ, журналистические спекуляции и т. д., неизменно агрессивная, враждебная неграм позиция АФТ, ее подавляющее большинство приходящее к негритянским массам — все это показало неграм-рабочим и негритянскому беднейшему крестьянству, что их единственные друзьями являются коммунисты и революционные профсоюзы. Лишь они и только говорят о социальном, политическом и экономическом равноправии и самоопределении, но и борются за эти лозунги.

В результате этого число негров, членов партии сильно растет. Во время последней вербовочной кампании в партию было принято смыше 1000 негров. Эти негры заключаются в классовой борьбе. В конгрессе безработных в Чикаго принимали участие негритянские делегаты из Алабамы, которые приехали в Чикаго с 50 центами в кармане и пустились в обратный путь 100 миль на поездами. Негры-рабочие и белые рабочих принципиально участвуют в похоронах Альфреда Ленин, члена компартии, который недавно был убит в Нью-Йорке полицейскими и сторонниками Гарвея на демонстрации протesta против суда Линча. Все эти факты, которые правительство подчеркнуло своим отказом в просьбе матерей-негритянок, открывают негритянским массам глаза на значение их угнетения — как негров и как рабочих.

Компартия призывает негритянских и белых рабочих организовать ограды рабочей самообороны для защиты рабочих от их врагов. Компартия единственная из всех партий добивается полного социального, экономического и политического равноправия негров и предоставления им права на самоопределение.

Не забудь

ВОЗОБНОВИТЬ

подписку на журнал
„СМЕНА“
на 1931 год.

ПРИБЫЛИ НА РАБОЧЕЙ КРОВИ

На конек Анна I" шахта "Вильгельм", в Альсдорфе (Германия), провоцировала взрыв газа. Ни глубине 200 метров погибли сотни рабочих. Командование виновного за масштабы катастрофы указалось на большее скопление газов в шахте и отсутствии элементарных мер охраны труда. Однако капиталисты этого проуправления не заслужили уважения. На центральном приборе, в центре изображения, показаны рабочие.

РАЗГОВОР С АМЕРИКАНЦЕМ

Л. Кассиль

Из книги о Бессарабской коммуне

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Уже само путешествие в коммуну имени Г. И. Котовского было интересно разительной сменой жизненных систем. В течение двух дней поездки от Москвы до Бессарабской коммуны привело сквозь самые несовместимые миры.

Сначала — лакированный уют отдельного международного вагона в поезде Гренинг, а затем и американец, налюбородный инженер, он ехал в Украино строить мосты. В бумажнике его лежали еще не размененные доллары и в осенесенных бронхах еще первых соленый осадок Атлантики. Завкасское любопытство, беледери, словарик, «виды Москвы» распарили его.

При попытке увеличить знакомством эту, как выражались футуристы, интернациональную встречу, американец, что, американец не говорит по-русски. Я им в зуб ногой не понимал по-английски. Американец немного обожал по-португальски. Я, напротив, слегка кумекал по-французски. Зато мы оба ни взор ни вперед не знали по-итальянски. Оставалася немецкий.

На столе лежали нож и вилка. Я схватил нож с решительностью убийцы и с отчаянием утопающего, целившегося за соломинку...

— Да, мессер — ножик, — сказал я неубедительно, — да габель — вилка, как ложка — из-под берегессен, т. е. забы... Гутен таг — задорово...

Американец согласился. Он ответил мне на прекрасном немецком языке:

— CL.

Так мы разбеседовались. Немецкий язык мы знали оба ровно, но настолько, чтобы быть понятными друг другу и не замечать взаимных лингвистических промахов. Грамматику мы прошли с самого начала и, не отрываясь артикуляции, поняли вольно неслись в нас неизложимых склонениях, наименованиях, спрямлениях, падежах, белодобойных спрашивающих словах, рисованих, жестами, мимически пасками и иными наглядными способами, была тем не менее всеобщата и поучительна. Я демонстрировал американцу ССР как окном. Американец ехал по Советским с таким видом, будто его видели по музею. Некий экспонировал для него свои родовые очищающие Континент — экзотику украинской провинции.

Мистер Гренин разложил предо мною на вагонном столике американские технические журналы, альбомы сооружений, солидные глянцевитые чертежи мостов, пластиков, небоскребов, элеваторов, вокзалов, ферм... Проекты сущих молниеносные воздвигли задуманные постройки. И по дороге в Бессарабскую коммуну я совершил воображаемое путешествие по «картонажной Америке».

В голос моего собеседника уже звучали патротические фанфры:

— Вам собирается догнать нас и перегнать. Это хорошо. Но сможет ли ваша оторвавшаяся, размазистая страна преодолеть свою вековую инерцию, азиатскую небрежность, угнаться за нашей техникой?.. Разве могут конкурировать ваши коль-хозы... с американскими фермами? О, я очень, очень уважаю русскую революцию и Максим Горького... Но вам надо у нас многому учиться...

Принеслось рассказать мистеру Гренину, что Ленин всегда учил большевиков соединять размыки российской революции с американской деловитостью и что я держу путь в коммуну, где бывшие бойны грозной конницы Котовского стараются как раз соединить свой партизанский путь со строгим хозяйственным расчетом...

К Киеве американец сходил. На прощание он попросил, чтобы я вписал его блокнот четыре русских слова, которые он считал, необходимо запомнить: «тайшай» (спасибо), товариши и джи-пе-у (ГПУ)...

Переводчицы и встречающие самоотверженно выволокли тяжелые чемоданы американца на перрон. Мистер Гренин стоял среди этой шумной вежливой аравы. Он растерянно махнул рукой и в его глазах, укрытых проверяющими щечками, блеск, я прочел восторженное недоумение и легкий испуг. Америка, все время очевидно владевшая им на территории ССР.

НОВЫЙ ХОЗИНЬ

Мистер Гренин много твердил мне про частную инициативу и хозяйства-собственника, без которого невозможен прогресс, и быстрый хозяйственный расцвет страны. Он вероятно не смог бы постичь того простого положения, что каждый коммунар является истинным и полноправным хозяином всего имущества коммуны. Всякий заинтересован в успехе. Это новое чувство социалистического человека — чувство совершенно чуждое прежнему хохочащему, властному, собственнику.

Бывает, правда редко, что в каком-нибудь хохзине-коммуне вдруг проснется забытое чувство власты и связанных с ним беспокойства жажды наживы и обогащения. Такой дайдя выступает на собрании и жалуется, что коммунары не как люди живут, а слишком много работают и «все уходят в будущее», а сегодня ни фига не имеют.

Такому коммунару дают жесткую отповедь со всей неискоренимой партизанской страстью. Особенно яростно выступает против таких сапионов хохзинских настроений горячий бессарабец, тракторист Максимов, по прозвищу «Лапсус», бывший котеков, изъясняющийся на странном наречии, состоящем из молдавского, русского и украинского языков.

— Слышишь такой он лапсус хотят деть? — кричит Максимов, — ему коммуне

Председатель коммуны тов. Левицкий.

должна накладать карман. А товарищ гоударству не ходи двину, не сочтет чиб к автраму буда хороший выработка. Он хотят накладать в своем карману, а советску страну делать лапсус. Мы — хозяеву не тока свою коммуну, но и вси Советскую страну. А если так забыть, то получится большой лапсус. В концепциях такой и коммунар, а чорт и сволочь. Я кончал.

Основной хохзин коммуны легко поддается себе потому, что коммунары-предприниматели коммуны смотрят на свою коммуну как на предприятие, дающее государству нужный товар, и всячески стремятся повысить товарность. Все отделы коммуны находятся на хозрасчете. Между разными отделами существуют приблизительно такие же отношения, в каких находятся наши гости. Например отдель снабжения поглощает мясо по 12 коп. за кило, а отдаст его кухне по 12-14 коп. 2 коп. выходит на потерю скотин и иные расходы. Кухня тоже старается сэкономить на суммах, поступающих от коммунаров на питание, и улучшить свое оборудование. Благодаря такой системе все отделы оправдывают себя, каждый старается избежать дефицита. Коммuna крепнет.

Этот остроумный деловой уклад привел в восторг даже ученых экономистов и преболательных американских бизнесменов. Их осталось не понимать лишь, как это: доходы идут не в карман хозяев коммун, а целиком поступают на улучшение и расширение общего дела.

АМЕРИКАНЕЦ ЛЕВИЦКИЙ

Председатель коммуны Левицкий, бывший боец конницы Котовского, член президиума Колхозцентра, только что вернулся из Америки. Он пробл таил подглядевши по всей стране, присмотревши к американской технике, к западеансским ме-

Распаковывают аппараты, привезенные в Америке.

Григорий Иванович Котовский.

тодам работы, изучал организацию фермерских фабрик. И газеты Штатов печатали интервью с «председателем корпорации советских колхозных ферм», столь непохожим на обычного американского фермера.

Крепкая память Ленинского дерзит в себе все увиденное и услышанное за окном. И все американское, что оставил в злопамятной голове коммуниста Левицкого добрую память, возделяется им на коммунальных гектарах. Он уловил даже в отрывках из газеты «Нью-Йорк Таймс» ту же самую добрую и честную фразу американцев. Председатель Бессарабской коммуны быстр, краток, лаконич, конкретен, энергичен как истинные. Но американцы Леницкого—лишились суда, в котором крепко заварен и кипят его густой, неистовый бояльшин. Коммунист-котоша не смогли предложить фешенебельные отели, высокорентабельные фермы, многогранные плантации, грандиозных размахов машинисты, могущески конфирмовать впечатление, что коммунисты—пакостники. Через все это, сквозь бредовый или казенный финиш, курящийся в честь другого «просперитета» с усаживаемых страниц американских газеток, Леницкий сумел подсмотреть достаточно много скрытых, отталкивающих истин: кавказской лицемерии, париксымы губительной золотой лихорадки, биржевые крахи, грубое бесправие цветных людей, изнурительная патогенная система труда, застой в промышленности и полицейский значок в патинке демократической статуи Свободы...

Ленинцкого давно уже отзывают в Москву на большую и интересную работу. Однако он остается в Одессе, в своем коммюнике.

Я клянусь скоро домчавшись до коллекторизации—весело сознаться сам Леницкий, и на его американском подбородке, на бритых щеках появляются самые русские озорные юношеские.

— Колхозизация—это мой пункт, я прими бою этим!

Он не умеет разговаривать без карандаша или конторских счетов. Цифры, планы доводы беспрерывно сыпаются из его все объемлющей головы, стекают по карандашу на клочки бумаги, на изнанку попавших под руку счетов или откладываясь горизонтальными спиральками черно-златым перманентом. Тут замечено, что палец правой руки неподвижно сведен в застывшей навсегда судороге. Палец был в «делах». Леницкий—котоша.

Григорий Иванович Котовский стоит не только в официальном наименовании коммуны, не только глядят с большого портрея в клубы и с гипсового цоколя в конторе. Именем покойного комбрга совершаются почти все важные дела в коммюнике. «Котовский учил»... «Григорий Иванович всегда говорил»... «Как Котовский советовал»... Так, решая что-нибудь слож-

ное, коммунары то-и-дело «сыгаются» на славного своего командира. Бовые запевы Котовского, его острые и смелые стратегические расчеты продолжают витать над мирным делом бессарабских партизан. В темпераментной деловитости Леницкого удачно сились два начала: партизанское и американское.

— Тактика, дорогие товарищи, — горячо поучает он местных колхозниковаторов,— тактика, прежде всего, как учили нас Котовский. Вы привыкли за сплошную колхозизацию и забыли о стратегии товарищдорогие! Единоличник идет на нас не целью, не сомнительном строем, он засел в отдельных лужах по всем правилам последних достижений пехотного искусства. Любовой атакой, кавалерийским наскоком ничего здесь не добьешься, товариши дорогие. Вы форсируете местность, а вас обстреляют с тыла. Надо умело выбывать единоличника из этих индивидуальных луж. Вот у нас добрые свиньи иоркширские скоты, однажды доведенные до стакана ведомого хозяйства. Надо вот эти лужи путем выкапывания единоличника из его лужи. А пище это—ура-колхозничания. Лина!

И председатель Бессарабской коммуны сится по комнате, щелкает на счетах, чертит, убеждаят, а в особо ответственные и кардинальные минуты замирает на одной ноге в неожиданной летушиной позе. Так он стоит, одну ногу идет, и ждет, что сейчас провозгласит куакерку наступающую утром в Одессе погоду.

Целое дни носятся Леницкий по коммюнике. Ни одна мелочь не ускользает от его черных проницательных глаз.

Кто это тут бросил ведро?—раздражаются то тут, то там его вопросы,—адресует мясо ветру? Возьмите, хлопцы, ведро, сядьте в отдел снабжения и пусть хозяин теперь выкупает. Порядок, порядок должен быть, товариши родные! Это чья бомба? Кукин? Субботин? Почему бомба на солнце?—Рассоединяется. Кстати, Субботин... Знаешь, я честен, если речь идет о том, что у нас в твоем сакономии топи 5-6. Стоп! Чего здесь бутылки лежатся? Сложите в утиль. А скамейки эти для кин-го? Надо на день перепрететь, а то смыла ни солнце выступит—все штаны при克莱ши. Товариши родные! Вы сами хозяева, храните свое добро, приучайтесь.

— Иши, Америку разволят,—ворчат некоторые. Но и эти ворчат добродушно, отчего-то понимая, что не фермерская жадность, не желание засадить коммюнике Леницкого. Кончина-то, конечно, руки-то американской кропотливой бережливостью председателя несет любую службу всей коммюнике, а не его личному карману. Заработок Леницкого не выше заработка среднего коммунара. Такой «азиатский» американец был чуждым мистеру Гриффингу.

„ЗР + АД“

По двору коммюнике ходят нарядные американские гостьи, привезенные Леницким—зеваторные грабли. В профиль она похожа на огромного сидящего фокстерьера. Такая машина идет за подводой по склоненному полю и захватывает сено особыми крючьями; сено ползет на сечончатом конвейере вперед по спине «фокстерьера» и автоматически раскладывается в вал.

У мастерской раскладывается самая большая и самая красивая банища. В этих ящиках Леницкий привез из Америки железную дорогу для... коров. Подвесная лопата будет проведена в новом коровнике. По коровнику засыпается висячие вагонетки с готовыми кортами.

С востока Леницкий уже лежат чертежи нового американского брудера-брата (братьского коммунике для цыпят) и проекты новых, так называемых канадских домиков для иоркширсов. Планы уже разработаны, вопрос о постройке решен, цыплята и

спиничные квартиры готовы, хоть сейчас оставить бумаги и приобрести третье измерение.

Кроме того в спиритике вводятся американский обычай купать свиней. Они будут принимать ванны из нефти.

Много еще других важных нововведений привез с собой из Америки Леницкий. Он понял, чему надо учиться у жителей Соединенных штатов. Здесь мистер Гревинг был прав: учиться надо еще многому. Но мистер Гревинг не знал, где, как и зачем нужен нам американский. Он не знал, что он понял пока не пачками, если бы увидел такое.

После двадцатидневной теплой тишины, которая сопровождала биологическое танцирование яйца, в инкубаторах коммунике возникает легкий щорох, толчки и заглушенный писк.

Женщины, близайших сел в это время опускаются; наступают дни цыплячего выпуска.

Затем за стеклами красных ящиков легли первые цыплята, а за ними другие эллипсоиды. Пушкотое желтое шествие сигнализирует конец инкубации—подвижность, рожденье. Около 7000 цыпят «алогорнов», механических сирот, без роду, без племени, около семи тысяч тех, кого еще в «Шантеклер» звали «п.», председателем пара выходит из шести инкубаторов коммунике.

Самые сухие греются они под теплым зонтом брудера (искусственной каукиши). А через час после этого инкубативного сна, когда большинство коммюнике появляется селянинами-бедняками и женами рабочих цукроварии. В их руках складывают пустые решета. В эти решета пересыпаются новорожденные. Их бережно покрывают теплыми платками и уносят. Так цыплята идут в люди.

Дома селянка воспитывает приемышей на пачем чешке или подкладывает их к своим квочекам. Коммуникары с ветеринаром на плечах, воротнике, дают советы, как питать и растить цыплят.

Через три месяца крестьянина из каждого виэтнама у коммунике цыплят должна вернуть лишь трех курят. Остальные остаются ей за воспитание.

— Позвольте!— перебивает тут нас подразумеваемый мистер Гревинг (он покорен и не понимает), — позвольте! Что за смысл отдавать даром столько кур? Это же не по-американски. Ни один фермер не сделает из этого. Это же не выгодно!

Мистер Гревинг, вспоминая вами чистер Гревинг скажу тогда я. Пусть за меня сладят Леницкий с Гажаловым.

И Леницкий, щелкая счетами, черкая карандашом и пригая на одной ноге, объясняет американцам:

— Мы не фермеры (так он произносит), мы не фермеры, а коммунисты. Да! (Шелк на счетах!) Мы коммунары. Да! (Шелк!). Наши цыплята—разведчики на селе. (Шелк!). Нельзя думать только о своей вымени, о корове! А хотим мы коровы не только своей коммюнике, но и всей страны.

А через цыплят наши женки с селянами и дружбу ведут. (Шелк!). Раньше инкубаторы на селе боялись, плавались на него-тубу! Нечистая тваря сила... А теперь, через инкубатор этот жинка своего дядька в колхоз поташит. А пока мы жинки не обработаем, так дядьков в колхозах не удержишь. Жинка—это обоз, как Котовский говорил. А если обоз отстал и не ходит, подтягиваюсь, то и армия бежит назад.

А кроме того мы жинки семь породистых курят оставляем и этим в округе разыграем крупное куровство. (Шелк!). Понятно?

Но американец вряд ли поймет. Тогда заговорит Гажалов, плотный маленький быстрой Гажалов, заместитель Леницкого.

— Вы не поняли, иностранец? Пожалуйста: русский революционный размах плюс американская деловитость.

Теперь вы поняли, мистер Гревинг?

МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Смена

Выходит каждые 10 дней

36 номеров в год

«СМЕНА» — боевой комсомольский журнал, ведущий на своих страницах неослабную борьбу за большевистские темы социалистического строительства, за генеральную линию партии.

Молодой ударник найдет в журнале «СМЕНА» ответ на все волнующие его вопросы — о новых производственных отношениях в условиях строящегося социализма, о новых бытовых началах и т. д.

Фабзавучник будет в журнале «СМЕНА» получать систематический и увлекательно изложенный материал о всех сторонах дела подготовки кадров.

«СМЕНА» вооружит каждого комсомолца для успешного штурма высот пятилетки в 4 года, для победной борьбы за международный Октябрь. «СМЕНА» широко освещает классовую борьбу за

рубежом, печатая очерки, рассказы, стихи заграничных пролетарских писателей и поэтов.

«СМЕНА» — комсомольский пост на фронте борьбы за гегемонию пролетарской литературы. Журнал ведет непримиримую борьбу со всеми враждебными классовыми течениями в литературе и воспитывает рабочую молодежь на лучших образах пролетарского литературного творчества.

В 1931 году «СМЕНА» увеличивается в об'еме почти наполовину.

РАСШИРЯЮТСЯ ОТДЕЛЫ:

туризма, спорта, экспедиций, путешествий, науки и техники, веселого досуга и т. п.

ВВОДЯТСЯ НОВЫЕ ОТДЕЛЫ:

дискуссионный, комсомольской сатиры и юмора, переписка с читателями, литературной консультации и т. п.

Подписчик «СМЕНЫ» получает приложение — 36 книжек «Библиотечки СМЕНЫ».

Библиотека «СМЕНЫ» даст серию произведений лучших писателей, поэтов и наиболее талантливых ударников, привезенных в литературу, сборники рабочих ликбюджков, а также ряд пособий для литеучебы.

Организуйте подписку на журнал «СМЕНА»!

У каждого молодого ударника и фабзавучника, в каждой бытовой коммуне и в школе, в каждой заводской библиотеке и клубе должен быть массовый журнал рабочей молодежи «СМЕНА»

Подписывайтесь сам и вербуй новых подписчиков для журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

С приложением «Биб-ки Смени» на год — 7 руб., на 6 мес. — 3 руб. 50 коп., на 3 мес. — 1 руб. 75 коп. Отдельный выпуск «Биб-ки Смени» — 10 коп.

Без приложения на год — 4 руб., на 9 мес. — 2 руб., на 3 мес. — 1 руб. Отдельный номер журнала — 15 коп.

Подписку направлять в Периодиктор Книгоцентра ОГИЗ—Москва, Центр, Ильинка, 3, во все отделения, магазины и киоски Книгоцентра и на почту.

“ЦИАНИСТЫЙ КАЛИЙ”

Московский зритель хорошо помнит спектакль “Цианистый калий”, показанный красной столице немецкими молодежным театром. Драматург Вольф, нападая в своей пьесе на параграф 218 немецкого уголовного кодекса, карающий совершение абортов пятнадцатим летними девушками, нанес им решительный удар лицензию буржуазного закона, всему капиталистическому строю. Само действие пьесы разворачивается на фоне локата рожденной им инициатой рабочей семьи, усиливая и без того тягостное и возмущающее впечатление насилия и беспрощания, безраздельно властвующем в мирном царстве социал-демократической республики.

Теперь встал живую и забодившую тему. Он спасенным может рассчитывать на успех спектакля у рабочего зрителя. И не только потому, что пьеса обладает четкой классовой установкой. На глухих окраинах наших городов, в затерянных деревнях и селах ликость еще подчас половняющая плачущими а ложный страх и безмерный страх перед побоями мужа, отца толкают наших девушки и женщин на различные услуги энхаеков и самонадеяных акушерок для совершения абортов. Таким образом, нападая на 218 параграф германского уголовного

кодекса, пьеса Вольфа в наших бытках, усвоенных агитирует за гигиену брака.

Нужно однако сказать, что театр не удается передать той суровости, отрубления правов и по-дымящейся ярости политически преобразующего пролетариата Гер-

мании, которые так прекрасно сыгравшиеся в спектакле немецкого молодого театра. Режиссеры разнообразили текст Вольфа вставками, показывающими борьбу и недавнюю победу немецкого пролетариата под руководством коммунистической партии.

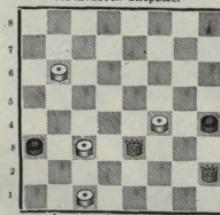
Оформлен спектакль удачно, временами с большой режиссерской выдумкой.

Развернутая в фольклоре — как бы, задание для проработки на доме. Удачно оформленная художником Пруссаковым, она прекрасно приносит пьесу, разъясняет и углубляет социальное значение спектакля.

“Цианистый калий” вслед за “Первой конной” Вишневского — вторая пьеса клубного репертуара, завоевавшая большую сцену столичного театра. А это значит — растет и крепнет мастерство пролетарского драматурга, создаются подлинно классово выдержанные пьесы, репертуарный же кризис изживается.

ШАШКИ

ЗАДАЧА № 6 В. Е. Педенко (Горловка)
Печатается впервые.

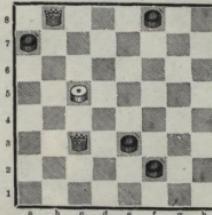

Белые: Д. e3; h2; пр. b6, c1, c3, h4 (6)
Черные: пр. a3, h4 (2)

Белые начинают и заливают простую черных.

ЭПИД № 13 Г. Рюмин (Баку)

Печатается впервые

Белые: Д. b8, c8; пр. c5 (3)
Черные: пр. a7, e3, d2, 18 (4)

Белые начинают и выигрывают.

4-й конкурс решений задач и этюдов

Под редакцией В. В. МЕДКОВА

№ 3 КОЛ

Играна во всесоюзном малом чемпионате в декабре 1929 года.

Маркович

Бухтеев

1. c3 — b4
2. b4 — c5
3. a3 : c5
4. g3 — i4

b6 — a5
d6 : b4
h6 — g5

Здесь можно было также 4. g3 — h4, если c7 — b6, то 5. c5 — d6; c7 : c5; 6. e3 — d4; c5 : c3
7. d2 : h6 и партия равна.

4.
5.
6.
7.
8.
9.

g7 — h6
g5 — h4
f6 — g5
a7 : c5
a5 — b4
g4 — a3

Белые: Д. e3; h2; пр. b6, c1, c3, h4 (6)
Черные: пр. a3, h4 (2)

Белые начинают и заливают простую черных.

ЭПИД № 13 Г. Рюмин (Баку)

Печатается впервые

Хорошо было 9 e7 — d6 с целью сводить правильный флаг белых, не допуская 10. f4 — e4

10. f4 — e5
11. e3 — f4
12. d2 : f4

e7 — d6
g5 : e3
h8 — g7

Ход, проигрывающий партию. Следовало играть 12 e8 — e7.

13. f2 — g3!
14. e1 : g3!

b4 : f2
h6 — g5

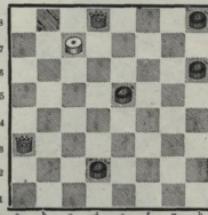
Если 14 e8 — e7, то 15. c1 — b2! a3 : g5
16. g3 — h4 и белые выигрывают.

15. f4 : h6
16. g3 : e5
17. g1 — f2 и черные сдались, так как на 17. e7 — f6 очевидно последует 18. e5 — d6; c7 : e5 и 19. f2 — e3.

Извиняя партию.

КАК ИСПРАВИТЬ:

Нами получен от В. Н. Богуславского (Ростов-на-Дону) следующий этюд:

Белые: Д. a3, b8; пр. c7 (3)
Черные: пр. d2, e5, h6, h8 (4)

Выигрыши белым чрезвычайно интересно задуманы. Казалось бы, авторское решение должно единственно для выигрыша: 1. c7 — b8; d2 : e1; 2. b8 : d2; 14! g5 : e3; 3. f2 : e1; 4. g5 : e3; 5. d8 : h4; 6. e1 : c3; 4. a3 : b2; 7. c3 : a1 (если 4. h8 — g7, то 5. e7 — f6 и выигр.) 5. b4 — h6; 6. f4 — h6; 7. g7 — f8; 8. e7 — a3; h8 — g7; 9. b8 — g5 и выигрывают. Тема и варианты поражают своей красотой.

Но... к сожалению после 1. c7 — b8 d2 — e1 можно брать также 2. b8 : d2 и белые выигрывают в различном количестве ходов, так как свое же простые помешают черной дамке, занять большую дорогу, благополучно достигнуть ничьей.

Конечно вся эта двойственность ходов является существенным недостатком, почти уничтожающим этюд. Необходимо подумать об исправлении так хорошо задуманной идеи.

176

